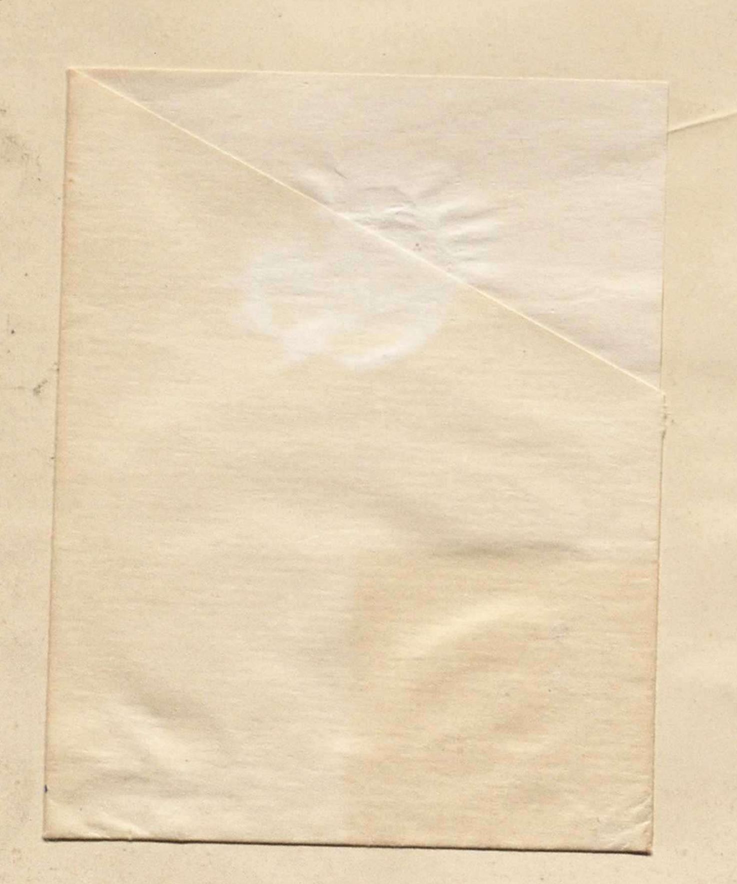
ЕМЕЛЬЯНЪ КЛИНСКІЙ

С. ЖАРОВЪ И ДОНСКОЙ КАЗАЧІЙ ХОРЪ

Ольга Владимировна Овсянникова

Praha-Nusle. Nad Jezerkou, č. 1255, b. 16

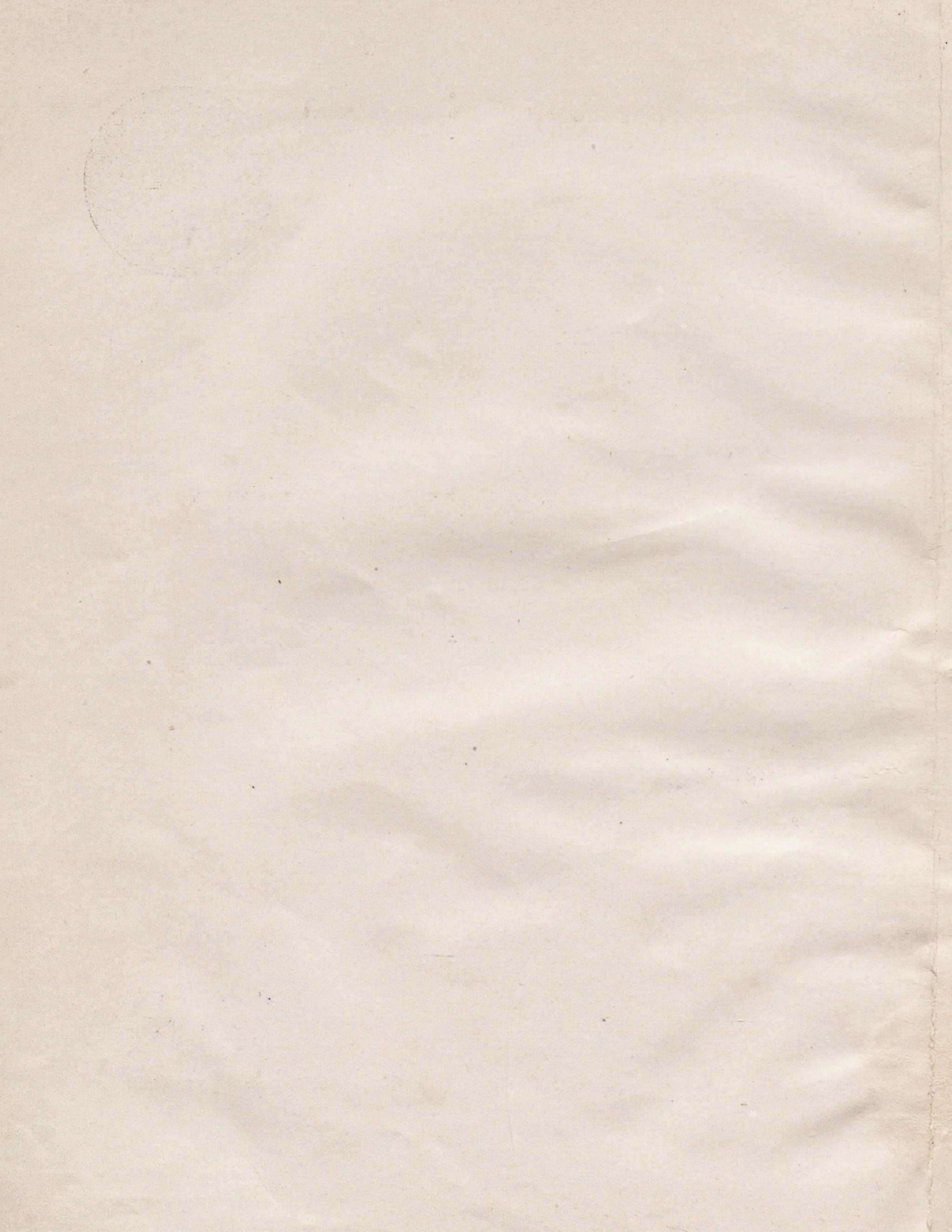
Ф 3

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Общее колич. вып.	В переплетной ед. соедин. номера вып.	Таблиц	Карт	Иллюстраций	Служебн. номер	Номера списка и порядковый	197 . . г.
Б	1					173		

66

Емельянъ Клинскій

Сергѣй Жаровъ
и его
Донской Казачій Хоръ

Изданіе Донского Казачьяго Хора

(Донской Казачій Хоръ передъ Православнымъ Храмомъ въ Дрезденѣ)

Этому хору я обязанъ самымъ глубокимъ, самымъ яркимъ впечатлѣніемъ, которое я когда либо испыталъ при хоровомъ пѣніи.

Максъ Рейнгардтъ
1927.

МОЯ ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА СЪ ХОРОМЪ

На улицахъ Будапешта среди шумной городской жизни я въ 1927 году впервые увидѣлъ плакатъ Донского Жаровскаго хора.

Къ запаху асфальта и бензина примѣшался тогда ароматъ широкой степи и, прянно, волнуя воспоминаніями, дохнула мнѣ въ лицо привѣтомъ своимъ далекая русская земля. Отрывками стараго пережитого встало передо мною дѣтство. Сотни радостныхъ звоновъ, переливами зазвенѣли въ моемъ взволнованномъ сердцѣ.

А черезъ нѣсколько дней, когда широкій проспектъ города, прилегающій къ гигантскому театру, минутами застывалъ запруженный автомобилями и пѣшей толпой, я снова въ пролетѣ улицы на чужомъ языкѣ прочелъ знакомыя мнѣ слова: «Don-Kozak-Kórus». Горѣли они саженными буквами модной свѣтящейся рекламы, кричали надъ головами толпы и какъ бы вторили громкимъ выкрикамъ продавцовъ программъ, суетящихся вокругъ театра: «A hires Don-Kozak Kórus!» (Знаменитый Донской хоръ).

Полицейскому, бѣлой перчаткой руководящему движеніемъ подъѣзжающихъ машинъ, уже не подъ силу стала его задача. Уже цѣлый нарядъ оттѣснялъ давно невиданную здѣсь массу народа, вливавшуюся изъ смежныхъ улицъ на площадь передъ театромъ. Разрѣшалось лишь группами приближаться къ каменному зданію.

Изъ бурной лавины людей и экипажей неслись нетерпѣливые гудки автомобилей, пронзительный, протяжный звонъ трамваевъ, команда полицейскихъ и безконечные выкрики: «Programm tessek!» «A hires Don-Kozak Kórus!»

Стиснутый толпой я долго стоялъ, не двигаясь съ мѣста, и когда, вынесенный этой толпой, я очутился передъ театральной кассой, охраняемой отъ напора полицейскими, — билетовъ уже не было: все было распродано.

А за мной все еще волновались люди. Во всю работали маклера, продавая билеты за повышенныя цѣны и толпа попрежнему напирала.

Билетовъ не было, но я не сдался. Пробираясь узкими коррилорами артистическаго входа, я добрался до желѣзной двери, ведущей за кулисы. Здѣсь я рѣшилъ ждать пока ихъ мнѣ не откроетъ случай. Я ждалъ не одинъ . . . Дверь открылась и какой-то голосъ прокричалъ, чтобъ никого больше не впускали. Широкоплечій пожарный заслонилъ входъ на сцену, попросивъ публику оставить корридоръ, и только мнѣ, какъ представителю прессы, удалось проскользнуть за быстро закрывшуюся дверь.

Я стоялъ среди холстовъ и декорацій, среди какихъ-то полотнищъ и сундуковъ и, пробравшись впередъ, очутился на досчатомъ полу сцены. Импровизированная стѣна отдѣляла меня отъ зала, откуда слышался глухой шумъ апплодисментовъ . . .

За этой стѣной стояли казаки.

На длинномъ диванѣ безъ спинки, стоявшемъ посреди этого страннаго помѣщенія, сидѣли люди, напряженно ловя каждый звукъ, доносившійся изъ невидимаго для насъ зала. Говорили они смѣшанно — по венгерски и по русски, говорили тихо, боясь пропустить моментъ наступленія тишины, предшествующій началу.

Здѣсь я узналъ многихъ. Не любопытство ихъ привело сюда, этихъ людей, утомленныхъ тяжелой борьбой за кусокъ хлѣба, не страсть къ сенсаціи, даже не эстетическій моментъ ихъ привлекъ сюда, нѣтъ, — тоска, глубокая неизбывная тоска по родномъ словѣ, родной пѣснѣ, великая ни съ чѣмъ несравнимая, стихійная тоска по родной землѣ.

Я наблюдалъ ихъ и раньше, этихъ людей, оторванныхъ отъ родины, людей, годами жившихъ въ чужой — безвоздушной для нихъ-атмосферѣ . . .

Кто-то дотронулся до моего рукава. Передо мной стоялъ подмастерье моего портного, маленькій одесситъ, еще передъ войной переселившійся въ Венгрію. На немъ была синяя рабочая куртка и такія же широкія штаны. Маленькая нервная рука его сжимала рукоятку молота.

«Что вы здѣсь дѣлаете въ этомъ видѣ?»

Лукавая усмѣшка скользнула по его лицу, и въ его глазахъ заиграли искорки неподдѣльной гордости.

«Понимаете, денегъ заплатить за билетъ не было, а казаковъ послушать хотѣлось . . . Вотъ я и одѣлся такъ и пришелъ, вродѣ какъ мастеръ на сцену . . . Впустили . . . повѣрили . . .»

Мы стояли рядомъ и молчали, а за стѣной, отдѣлявшей насъ отъ зала, наступила гробовая тишина.

И вотъ мощный басъ, величаво выступая изъ общаго аккомпанимента хора, наполнилъ эту тишину . . .

«Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое . . .»

Молитвенно звучалъ мягкій голосъ солиста. Молитву слалъ къ небу стройный органъ аккомпанимента. И скорбь усталой и неудовлетворенной души зазвучала въ переполненномъ залѣ. Холодныя, безразличныя доски и полотнища надъ нами висящихъ кулисъ превратились въ своды прекраснаго храма и запахомъ ладана повѣяло на насъ.

Въ этотъ мигъ хоръ сорока, оторванныхъ отъ родины казаковъ, былъ сильнѣе времени, похоронившаго такъ много святого, сильнѣе всѣхъ горестей, всѣхъ невзгодъ, всѣхъ страданій — какая то незримая цѣлительная сила однимъ мягкимъ прикосновеніемъ сняла съ сердца всѣ боли, всю скорбь . . .

Рука невидимаго регента чертила письмена Святого Писанія, — и, вызывая откуда то сочные и нѣжные звуки, лѣпила симфонію вѣры, чистоты и смиренія.

Въ рокотѣ басовъ замерли послѣдніе звуки. За стѣной стало тихо... Тихо было и у насъ... Только на длинномъ диванѣ безъ спинки, заглушая въ платкѣ рыданія, судорожно плакала сѣдая женщина... Навѣрное, русская...

Пѣли еще что-то, и еще что-то — что пѣли, теперь не помню. Знаю только, что послѣ второго номера въ какую-то дверь, открывшуюся на авансценѣ, покрывая все, ворвался глухой, рокочущій шумъ, и маленькій человѣкъ въ казачьей формѣ, съ блѣднымъ отъ напряженія лицомъ, вытирая капли пота на лбу, быстрыми шагами вошелъ къ намъ. Никого не замѣчая, стоялъ онъ одно мгновеніе равнодушно и устало между нами, какъ-бы о чемъ-то размышляя, потомъ повернулся и по-военному, выпятивъ грудь и поднявъ голову, вышелъ обратно на сцену.

Это былъ Жаровъ, регентъ хора.

Между первымъ и вторымъ отдѣленіемъ казаки, по одному оставляя эстраду, прошли къ намъ за кулисы. Довольные, веселые, — перекидывались шутками, напѣвали вполголоса, пробовали голоса. Въ отдаленномъ углу плотный баритонъ-солистъ пѣлъ первую музыкальную фразу «Стеньки Разина».

Я разсматривалъ загорѣлыя, здоровыя лица хористовъ, и въ эту минуту мнѣ хотѣлось подойти къ каждому изъ нихъ, поблагодарить за высокія чувства, испытанныя мною, — и всѣми кто тутъ былъ, за вѣру въ святое, начинавшую уже ослабѣвать и вновь пробудившуюся подъ вліяніемъ ихъ глубокой проникновенной пѣсни.

Встрѣтилъ среди нихъ знакомаго казака, танцора. Обнялись, вспомнили прошлое... Кто-то захлопалъ въ ладоши (какъ я послѣ узналъ администраторъ хора), и быстро построившись, казаки встали въ двѣ шеренги. Назначалось точное время спѣвки, часъ отъѣзда, отдавались короткія приказанія, читались имена...

Страннымъ и несовмѣстимымъ казались мнѣ тогда эти два момента: хоръ, на сценѣ — олицетвореніе свободнаго, парящаго въ высяхъ, — искусства, и хоръ за сценой, — организованная военная единица, почти на вытяжку стоящая передъ начальствующимъ лицомъ. Но впослѣдствіи, познакомившись и подружившись съ хоромъ, я понялъ, что не только въ высокихъ художественныхъ качествахъ отдѣльныхъ его органовъ заключался его исключительный успѣхъ, но и въ его прекрасной, единственной въ своемъ родѣ, сознательной дисциплинѣ, удержавшей въ немъ почти на протяженіи 10 лѣтъ его существованія сплоченность, пониманіе долга и традицій.

Огни въ залѣ были давно потушены. За кулисами было пусто и мрачно, а за занавѣсомъ все еще гудѣла толпа, неистово требуя появленія хора на сценѣ. Концертъ былъ оконченъ.

С. А. ЖАРОВЪ

На прогулкахъ по окрестностямъ маленькаго чешскаго курорта, осенью 1930 года Сергѣй Алексѣевичъ Жаровъ разсказалъ мнѣ свою жизнь. Увлекаясь своимъ повѣствованіемъ, останаливаясь по дорогѣ, онъ пережилъ ее въ воспоминаніяхъ, полную борьбы, лишеній и достиженій.

Я записалъ ее такъ, какъ онъ ее мнѣ передалъ, — всю изъ яркихъ мгновеній, оставшихся въ памяти регента. Не останавливаюсь на мелочахъ, избѣгаю малозначительныхъ хронологическихъ датъ, стараюсь сохранить лишь главную линію развитія исторіи хора, съ которой параллельно идетъ жизнь этого замѣчательнаго человѣка.

Ясно помню нашъ первый разговоръ внѣ театральнаго зала, далеко отъ города на зеленомъ пригоркѣ, освѣщенномъ мягкимъ осеннимъ солнцемъ.

Передо мной стоитъ Жаровъ въ бѣлой спортивной рубашкѣ съ открытымъ воротничкомъ, изъ котораго выходитъ загорѣлый крѣпкій стволъ его почти атлетической шеи. Въ этой рубашкѣ и въ сѣрыхъ фланелевыхъ штанахъ онъ похожъ на ребенка. По дѣтски улыбаются глаза, по дѣтски звучитъ смѣхъ, прерывающій разсказъ о его дѣтствѣ, и не хочется вѣрить, что оно минуло

это дѣтство, что почти 20 бурныхъ лѣтъ, такъ измѣнившихъ все, лежатъ между нимъ и сегодняшнимъ днемъ.

Гдѣ онъ жилъ эти 20 лѣтъ, что жизнь не наложила на него печати времени? Что улыбка его не перестала быть наивно-дѣтской и неиспорченной?

Регентъ донского хора меньше меня на голову, — онъ маленькаго роста, — его движенія необыкновенно ритмичны, они почти музыкальны. Въ нихъ нѣтъ ничего нарочитаго и искусственнаго. Они правдивы какъ движенія дѣтей, рѣзвящихся въ садахъ подъ звуки оркестра, повинуясь исключительно голосу внутренняго музыкальнаго порыва и меньше всего желанію — показать себя окружающимъ. Жаровъ не умѣетъ притворяться, не умѣетъ быть другимъ, чѣмъ онъ есть. Поза, пошлость и театральность совершенно чужды ему. Единственный въ своемъ родѣ, можетъ быть внѣшнѣ отставшій отъ времени, онъ пережилъ свое время духомъ, ставъ пожалуй, даже немного страннымъ анахронизмомъ . . . Успѣхъ не совратилъ его . . .

Успѣхъ — безспорно — совершенно небывалый. Этотъ успѣхъ сопутствуетъ ему и его хору во всемъ мірѣ.

Чѣмъ объяснить его? Чѣмъ объяснить, что толпа, воспитавшая себя на модныхъ боевикахъ танго и влюбленная въ неуклюжіе темпы негритянскихъ пѣсенокъ и танцевъ, вдругъ отрекается отъ своихъ кумировъ и съ благоговѣніемъ, затаивъ дыханіе, слушаетъ благородные и возвышенные звуки русскихъ церковныхъ пѣсенъ.

Болѣе 250 концертовъ въ году, болѣе 250 побѣдъ, болѣе 250 распроданныхъ залъ ! . .

Вѣдь, только сенсація, отвѣчающая духу времени, способна привлечь избалованную, на переживанія скупую современную интернаціональную публику.

Неужели Жаровъ и его хоръ «сенсація»? Нѣтъ. — Сенсаціей они перестали быть сразу, какъ только на европейскую сцену вмѣсто ожидаемыхъ «козаковъ» въ кавычкахъ, вышло 40 артистовъ, культурой своего пѣнія превзошедшихъ все, что въ этой области до сихъ поръ было достигнуто въ Европѣ, въ Америкѣ, въ Австраліи, во всемъ мірѣ.

Сенсація — это вспышка, затмѣваемая другими такими же вспышками. Она мимолетна, она ничтожна рядомъ съ почти 10-ю годами успѣха Жаровскаго хора.

Если другія величины, добиваясь успѣха, шли въ ногу со временемъ и создавали свою, этимъ временемъ подготовленную эпоху, то Жаровъ съ первыхъ дней шелъ въ разрѣзъ съ временемъ, не считаясь ни съ окружающей средой, ни съ возможностями, подчиняясь только голосу собственнаго убѣжденія. Въ этой фанатической вѣрѣ въ успѣхъ «отжившаго» для другихъ дѣла, не моднаго и не актуальнаго, заложена вся сила Донского Казачьяго хора.

Каждое выступленіе хора является переживаніемъ одинаково сильнымъ какъ для зрителя, такъ и для хориста, ибо каждая единица этого хора — кусочекъ той вѣры, которая звучитъ въ первой, духовной части концертной программы.

Личность Жарова ярко выступаетъ на фонѣ хора. Его дѣтскіе глаза могутъ исступленно сверкать на концертахъ, его движенія, въ жизни закругленныя и мягкія, могутъ повелѣвать и электризировать — не терпя ослушаній и диктуя часто почти невозможное.

«Вы поймите меня», говоритъ мнѣ Жаровъ, «вызывая подъемъ духа у пѣвцовъ и пользуясь имъ, я достигаю различныхъ эффектовъ, поднимая тонъ до той высоты, которая не была достигнута еще ни однимъ однороднымъ хоромъ. Хоръ «впѣвается» въ высшіе тона и голоса вытягиваются вверхъ; тогда для крайнихъ нижнихъ голосовъ пріобрѣтается возможность широкаго пользованія октавой».

Хорошо изучивъ свой хоръ, онъ вдохновляетъ его своимъ энтузіазмомъ, извлекая изъ него все, на что онъ способенъ. Тонкія губы регента властны, подбородокъ энергиченъ, затылокъ упрямъ. Они говорятъ о настойчивости и силѣ волѣ, противорѣча кроткому, почти усталому взгляду его глазъ и

мягкому, женственно очерченному, покату плечъ.

Внѣшность Жарова сильно расходится съ представленіями о регентѣ Казачьяго хора. Но неоспоримо то, что какъ разъ это обстоятельство значительно содѣйствовало его личной популярности. Его маленькій ростъ, его дѣтскій видъ и простодушно-благодарная улыбка со сцены зала, словомъ: его неоспоримая оригинальность создали ему много друзей и поклонниковъ.

СЕРГѢЙ ЖАРОВЪ О СЕБѢ.

Когда я въ памяти своей стараюсь возстановить свои первыя переживанія дѣтства и пытаюсь проникнуть въ пору самой ранней сознательной жизни, въ моихъ ушахъ смутнымъ отголоскомъ какъ что-то потустороннее и вѣщее звучитъ:

«Отче нашъ, иже еси на небесехъ». Въ моемъ мозгу встаетъ образъ моей матери любовно склонившейся надо мною.

«Пой, Сереженька» . . . И я дѣтскимъ слабымъ голоскомъ вторю за нею слова молитвы.

Материнскую ласку помню смутно, она растворилась въ этой молитвѣ ребенка, оживъ позже въ сознаніи взрослаго человѣка.

Мать моя умерла рано . . . Отецъ, всегда занятой, удѣлялъ моему воспитанію мало вниманія, я былъ одинокъ . . .

Въ раннемъ дѣтствѣ много шалилъ. Любилъ лазить по крышамъ. Часами сидѣлъ у трубы сосѣдняго дома, представляя ее себѣ прекрасной дачей. Бралъ съ собой одѣяло и часто высоко на крышѣ проводилъ ночь.

Однажды малышомъ влѣзъ на крышу маленькаго домика, увидѣлъ гнѣздо съ только-что вылупившимися птенцами. Испугался ихъ «страшнаго» вида, принявъ ихъ за лягушатъ, и сорвавшись упалъ на панель, больно разбивъ ногу. Не жалуясь и не ища помощи дома, поборолъ боль, никому ничего не сказавъ.

Былъ болѣзненно гордъ и самолюбивъ. Семилѣтнимъ ребенкомъ, подвергнувшись

несправедливому наказанію со стороны бабушки, въ одной рубашенкѣ холодной зимой влѣзъ на крышу дома, рѣшивъ умереть. Долго меня напрасно искали съ фонарями. Я упорно молчалъ, пока не услышалъ, какъ громко плакала и причитала бабушка. Не выдержалъ, дрогнуло жалостью дѣтское сердце. Откликнулся на зовъ. Полузамерзшаго сняли меня съ крыши и на рукахъ принесли домой.

Когда мнѣ было 9 лѣтъ отецъ рѣшилъ отдать меня въ коммерческое училище въ Нижнемъ Новгородѣ. Тогда 4 моихъ брата и одна сестра были совсѣмъ маленькіе. Среди дѣтей я былъ самый старшій.

По дорогѣ отецъ, добродушный балагуръ, встрѣтилъ знакомыхъ богатыхъ купцовъ. За рюмкой водки и картами рѣшилъ ѣхать съ ними. Дорога купцовъ вела въ Москву.

«Все одно, поѣду и я съ вами», разсудилъ отецъ. Чтобы оправдать дальнюю поѣздку, рѣшено было отдать меня въ Московское Синодальное училище; къ тому же мой крестный, регентъ церковнаго хора, давно совѣтовалъ этотъ путь. Еще раньше онъ посылалъ меня пѣть въ церковь, награждая меня за это алтыномъ или конфектами.

На пристани въ Новгородѣ взрослые пили и оставили меня безъ надзора. Пошелъ бродить по улицамъ, и въ первый разъ въ своей жизни увидѣлъ трамвай. Долго не размышляя, взобрался на высокую скамейку и поѣхалъ. Поѣздка понравилась, на конечной станціи не вылѣзалъ. Инстинктомъ понималъ, что вагонъ поѣдетъ обратно. Вернувшись къ пристани получилъ отъ отца нѣсколько здоровыхъ подзатыльниковъ, но не заплакалъ. Слишкомъ все было ново и увлекательно: чужой городъ, пристань и манящіе въ даль пронзительные гудки пароходовъ.

Потомъ ѣхали дальше — въ Москву. Когда вылѣзли на Московскомъ вокзалѣ, компанія была сильно навеселѣ. Меня взяли съ собой въ гостинницу «Бристоль». Веселые, съ кружками пива въ рукахъ, забавлялись тѣмъ, что «экзаменовали» меня, задавая мнѣ вопросы, якобы нужные на экзаменѣ, а потомъ уѣхали оставивъ меня одного.

«Ну смотри, Сережа, веди себя здѣсь пристойно, сегодня не вернемся. Если тебѣ будетъ страшно одному ночью, звони половому, — скажи, молъ, что хочешь чаю». Отецъ мой давно не бывшій въ Москвѣ, рѣшилъ покутить со знакомыми.

Всю ночь мучимый одиночествомъ и страхомъ я звонилъ и требовалъ чаю, и каждый разъ, увидѣвъ полового, отказывался отъ него . . .

Утромъ начались экзамены. Огромный залъ, вмѣщавшій 800 учениковъ. Ласковый экзаменаторъ, ставившій экзаменуемыхъ спиной къ комиссіи.

«Читай Отче нашъ!» обратился ко мнѣ на экзаменѣ законоучитель, извѣстный протоіерей Кедровъ.

«Не могу читать», отвѣтилъ я смущаясь, «разрѣшите спѣть».

Вспоминаю другой случай съ тѣмъ же Кедровымъ.

«Изъ чего сотворилъ Богъ человѣка?» спросилъ онъ меня на годъ позже.

«Изъ глины».

«Какъ же?»

«Взялъ Богъ, слѣпилъ изъ глины фигурку и дунулъ на нее, а фигурка зашевелилась».

«Какого же размѣра была фигурка?»

«Такого», отвѣтилъ я и показалъ руками ея размѣръ. Въ классѣ поднялся смѣхъ.

«Пойди сюда!» приказалъ протоіерей Кедровъ. «Вотъ я тебѣ сейчасъ покажу размѣръ этой фигурки». Онъ подвелъ меня къ журналу и поставилъ противъ моей фамиліи огромную единицу. «Вотъ такой величины была фигурка».

Учился я отвратительно. Способностей никакихъ не проявлялъ. По старому въ свободное время лазилъ по крышѣ, прилегавшей къ училищу консерваторіи и по прежнему мечталъ о высотѣ и даляхъ. Былъ

чрезвычайно обидчивъ и оскорбленій никому не прощалъ.

Однажды, когда мнѣ было уже 16 лѣтъ, я былъ задѣтъ однимъ изъ профессоровъ. На это я въ припадкѣ внезапной злобы назвалъ его жабой. За этотъ поступокъ я былъ совѣтомъ профессоровъ уволенъ изъ училища. Только благодаря заступничеству директора Синодальнаго училища А. Д. Кастальскаго былъ потомъ вновь принятъ, но долженъ былъ пойти къ профессору и просить извиненія. Долго я боролся съ собой, пока рѣшился на это. Пошелъ къ профессору на квартиру и встрѣтилъ тамъ его сестру. Разговорился съ ней. А когда профессоръ вошелъ, тогда заговорило во мнѣ мое «мужское» самолюбіе, не позволило мнѣ въ присутствіи женщины просить извиненія.

«Что васъ привело сюда, Жаровъ?»

«Меня прислалъ къ вамъ директоръ Кастальскій».

«Зачѣмъ прислалъ васъ ко мнѣ директоръ?»

«Не знаю».

Инцидентъ былъ, казалось исчерпанъ, но до моего выпуска профессор гармоніи со мной не разговаривалъ.

Родители мои умерли, не увидѣвъ меня регентомъ. Тогда началось для меня тяжелое время. Я поддерживалъ всю семью. Переписывалъ ноты. Дирижировалъ семинарскимъ хоромъ. Училъ семинаристовъ. Потомъ даже, въ старшихъ классахъ сдѣлался регентомъ въ церкви.

Никогда не любилъ учиться. Любилъ самъ учить, руководить и воспитывать.

Съ Синодальнымъ хоромъ, въ которомъ я пѣлъ до 14 лѣтняго возраста, я побывалъ въ Вѣнѣ, Дрезденѣ и на Выставкѣ Искусства въ Римѣ. Часто стоялъ на эстрадѣ тѣхъ же концертныхъ залъ, въ которыхъ мнѣ впослѣдствіи суждено было управлять своимъ собственнымъ хоромъ.

Пребываніе въ Синодальномъ училищѣ обязывало учениковъ младшихъ классовъ пѣть въ знаменитомъ синодальномъ хорѣ. Ярко стоитъ въ моей памяти одинъ изъ его концертовъ.

С. В. Рахманиновъ только что полностью написалъ свою Божественную литургію, что тогда взволновало весь музыкальный міръ. Исполненіе литургіи синодальнымъ хоромъ произвело потрясающее впечатлѣніе не только на публику, но и на самого композитора.

Сергѣй Васильевичъ былъ предметомъ безконечныхъ овацій со стороны присутствующихъ. Растроганный композиторъ горячо благодарилъ хоръ, а меня, случайно подвернувшагося мальчика, потрепалъ по бритой головѣ. Это выраженіе ласки было довольно чувствительно. Рука у великаго піаниста была обратно-пропорціональна моей маленькой головѣ, но все же пріятное чувство отъ этой ласки осталось у меня до сегодняшняго дня.

Регентомъ Донского хора, 20 лѣтъ спустя, за дружеской бесѣдой, я напомнилъ С. В. Рахманинову этотъ случай.

Изъ-за маленькаго роста меня всѣ звали только по имени. Фамилію свою я въ первый разъ услышалъ, когда въ мартѣ 1917 года окончилъ школу.

Выпускъ . . . Экзамены я сдалъ какимъ то чудомъ. Возможно, что и здѣсь сыгралъ роль мой дѣтскій видъ.

Вспоминаю главный экзаменъ: первое публичное управленіе оркестромъ.

Стою за пюпитромъ передъ оркестромъ. Дирижирую сюиту Аренскаго. Увлекаюсь . . . Порывисто взмахиваю правой рукой и чувствую, что манжетка, не прикрѣпленная къ рубашкѣ, соскальзываетъ мнѣ на руку. Задержать ее не могу, — держу въ рукѣ дирижерскую палочку. Еще мгновеніе, и я вижу какъ она, соскользнувъ по палочкѣ, дугой летитъ въ оркестръ . . . Смущеніе . . . Среди музыкантовъ — моихъ коллегъ, учениковъ школы — заглушенный смѣхъ.

У меня темнѣетъ въ глазахъ, хочу все бросить и выбѣжать изъ зала. Стараюсь найти потерянное мѣсто сюиты, нервно пе-

релистываю партитуру. Не нахожу... И вотъ меня охватываетъ рѣшимость отчаянія. Безграничнымъ усиліемъ беру себя въ руки и дирижрую наизусть, въ эту минуту поставивъ все на карту. Моя воля побѣждаетъ. Оркестръ — въ моихъ рукахъ, и я веду его съ увлеченіемъ, для меня до этого дня незнакомымъ.

Рукоплесканія наполнили залъ. Экзаменъ былъ сданъ блестяще. Меня похвалили. Во мнѣ открыли новый талантъ.

Этотъ моментъ никогда не изгладится въ моей памяти. Онъ былъ для меня символическимъ. Моя жизнь и впослѣдствіи изобиловала трагикомическими моментами, но я ихъ научился побѣждать. Самымъ страшнымъ для меня было всегда, — быть смѣшнымъ.

На слѣдующій день я уже былъ въ Александровскомъ Военномъ училищѣ. Но окончить его — мнѣ тогда еще не пришлось. Въ это время Корниловъ собиралъ добровольцевъ въ свой ударный батальонъ. Уязвленный своимъ портупей-юнкеромъ, полякомъ, я записался добровольцемъ на фронтъ.

«Только инородцы идутъ спасать Россію, записываясь въ ударные полки», сказалъ онъ мнѣ какъ-то, «русскіе почему то не идутъ, вотъ такой музыкантъ, какъ вы, и подавно». Мое самолюбіе было задѣто.

«Я запишусь на фронтъ, а вотъ вы останетесь въ училищѣ». Я тотчасъ исполнилъ свое обѣщаніе и вскорѣ въ составѣ ударной роты Александровскаго военнаго училища уѣхалъ на фронтъ. Училище мнѣ было суждено кончить позже на мѣсяцъ.

Гражданская война меня застала въ казачьихъ частяхъ. Съ ними я и эвакуировался въ Константинополь.

Помогли мнѣ и здѣсь разъ мой маленькій ростъ и моложавый видъ. Имъ я обязанъ своей жизнью. — Донской казачій полкъ, въ которомъ я служилъ, былъ въ крымскій періодъ гражданской войны сильно потрепанъ. Я былъ захваченъ красными въ маленькой деревушкѣ. Намъ приказали снять одежду, и когда мы остались въ одномъ бѣльѣ, началось форменное истребленіе плѣнныхъ.

Тщедушный, исхудалый, съ бритой послѣ перенесеной болѣзни головой, я упалъ на землю и прикрывъ руками затылокъ, ждалъ своей очереди. Уже красный всадникъ занесъ надо мной шашку, какъ другой его остановилъ:

«Не тронь мальчишку!»...

Красные ускакали. Какая-то старушка сжалилась надо мной, повела меня въ хату и накормила. Гладя меня, офицера, по головѣ старческой рукой, она спрашивала:

«Какъ это ты, сыночекъ, попалъ на войну?»...

Въ лохмотьяхъ я бѣжалъ за своей частью. Ея уже не было, — а въ казачьемъ разъѣздѣ, на который я на слѣдующій день наткнулся, долго не хотѣли вѣрить, что я казакъ, не говоря уже о моемъ офицерскомъ чинѣ.

Періодъ моего пребыванія въ добровольческой арміи я описывать не буду. Я начну съ того момента, когда съ отступающими казачьими частями я былъ эвакуированъ въ Турцію, очутившись въ мрачномъ лагерѣ голода и смерти — Чилингирѣ.

Здѣсь среди страшныхъ лишеній, въ атмосферѣ безконечнаго отчаянія и безпросвѣтной тоски по родинѣ, выросъ и оперился Донской Казачій хоръ, теперь извѣстный всему культурному міру.

МОЙ РЕГЕНТЪ, ХОРУНЖІЙ СЕРГѢЙ ЖАРОВЪ

(Изъ записокъ протоіерея Михаила Васильева, бывшаго полкового священника Донскаго пулеметнаго полка.)

. . . Многое уплыло изъ памяти съ того времени, какъ Сергѣй Алексѣевичъ Жаровъ впервые появился среди офицеровъ Донской арміи.

Пытаюсь записать уже уходящее изъ памяти и то немногое, что мнѣ, какъ священнику того полка, въ которомъ служилъ Жаровъ, извѣстно о немъ.

Былъ онъ и искуснымъ пулеметчикомъ и въ то же время аккуратно и талантливо исполнялъ обязанности полкового регента, и такимъ образомъ былъ и моимъ ближайшимъ сотрудникомъ.

Великая война захватила и Жарова, и онъ вступилъ въ ряды дѣйствующей арміи. Окончилъ затѣмъ курсы по спеціальности пулеметчика. Впослѣдствіи, когда прибылъ на «непокорный» Донъ, онъ былъ зачисленъ въ пулеметный полкъ инструкторомъ. Въ этотъ полкъ былъ зачисленъ и я.

Впервые познакомились мы съ Жаровымъ далеко отъ родного города на Кубани. Изъ приказовъ по полку я узналъ, что онъ былъ назначенъ моимъ ближайшимъ сотрудникомъ — регентомъ. Не теряя времени, прямо изъ штаба по пути къ своей квартирѣ зашелъ я къ нему. Инструкторъ Жаровъ велъ урокъ со своимъ взводомъ. На столѣ были разложены части пулемета. Говорить тогда со мною онъ долго не могъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я отправился къ нему на спѣвку. Готовились къ Великому посту. Жаровъ собралъ пѣвцовъ, но спѣвки кончить не смогъ. Прибѣжали изъ штаба съ приказомъ выступить въ походъ. Дѣйствія начались. . .

Полковникъ нашъ былъ человѣкъ религіозный. При немъ служба совершалась даже въ походѣ. А если полкъ былъ на стоянкѣ въ селахъ, гдѣ имѣлись храмы, я служилъ въ нихъ литургіи, и неизмѣнно при богослуженіяхъ пѣлъ полковой хоръ подъ управленіемъ хорунжаго Жарова.

Часто когда сотня, гдѣ находился Жаровъ, несла дежурство на позиціяхъ, я слышалъ особыя распоряженія полковника.

«Жаровъ на дежурствѣ? — Вызвать къ церковной службѣ.» И скоро мы съ регентомъ держали свой совѣтъ, гдѣ и что пѣть. Къ началу богослуженія регентъ мой уже былъ на мѣстѣ. Аккуратности не учить было Жарова. Онъ былъ всегда исполнителенъ и правилъ свою обязанность при богослуженіяхъ не въ силу приказаній, а въ силу своего сердечного влеченія.

Въ пѣніи чувствовалось, что въ исполненіи хора поетъ его душа. Помню отдыхъ около разбитой снарядами желѣзнодорожной станціи. Была суббота и нужно было совершать Всенощное бдѣніе. Солнце зашло уже, но не было темно. Свѣтила луна. Въ небольшомъ садикѣ около станціи установили гдѣ-то добытый столикъ для св. Креста и Евангелія. Приступили къ служенію. Собралось много молящихся. Кромѣ нашего полка здѣсь расположились еще другія части.

Слышно было, какъ вдали рокотали орудія. А мы, неспѣшно, чинно, творили свою вечернюю молитву. Тихо, стройно пѣли наши пѣвцы со своимъ регентомъ. Слышны были вздохи молящихся. А когда запѣли «Хвалите имя Господне», всѣ какъ-то разомъ опустились на колѣни. Какая это была возвышенная молитва! Какъ пѣніе хора хватало за душу! Какъ Жаровъ уже тогда умѣлъ овладѣвать сердцами молящихся! Въ чемъ было его искусство?

Хористы у регента тогда были случайные: офицеры изъ музыкантской команды, полковые писаря. Сегодня одни, завтра другіе. Но Жаровъ, почти безъ спѣвокъ и приготовленій, умѣлъ пѣть со своимъ хоромъ, стройно, проникновенно.

Жарову удавалось соединять въ одинъ строй всѣхъ этихъ новичковъ и ихъ голоса сливать въ общую гармонію.

Тогда уже въ маломъ чувствовался большой художникъ, который изъ ничего создавалъ умиляющую красоту, что согрѣвала сердца молящихся, примиряла со всѣми невзгодами, заставляла забывать близость опасности . . .

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, среди единственной улицы какой-то нѣмецкой колоніи, мы по обычаю установили столикъ и приступили къ богослуженію. Послѣ прочтенія Евангелія, неожиданно, по всему расположенію полка противникъ открылъ артиллерійскій огонь. Снаряды неслись надъ головами собравшихся на молитву.

Ни на мгновеніе не прекратилась служба, и Жаровъ спокойно продолжалъ пѣніе «Символа Вѣры» и до окончанія службы не ускорилъ темпа. Исполнилъ все, что было нужно. А черезъ четверть часа послѣ этого дежурныя части полка выступили на указанныя позиціи. Съ ними, уже въ другой роли Жаровъ, выравнивая свой взводъ пулеметчиковъ, направлялся къ своему мѣсту . . .

. . . Если не такъ далеко были разбросаны квартиры офицеровъ, любители пѣнія — одинъ за другимъ тянулись къ своему регенту «Сережѣ», какъ Жарова почти всѣ тогда называли. Всегда душой этихъ собраній былъ онъ. Но не такъ уже много выпадало такихъ тихихъ вечеровъ, когда въ дружной семьѣ офицеровъ коротали свой досугъ. Кругомъ царили смерть и разрушеніе.

Однажды нашъ полкъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ дивизіей противника. Какъ онъ вырвался изъ этого ада, совершенно непонятно. Чудомъ выбралась часть, охранявшая полковое знамя. Въ числѣ охраны оказалась и подвода съ пулеметомъ, за которымъ сидѣлъ Жаровъ, случайно вынесенный изъ боя. Такимъ образомъ онъ попалъ въ линію отступающихъ стрѣлковъ со знаменемъ.

Отступая Жаровъ продолжалъ выпускать ленту за лентой. Конница противника упорно насѣдала, несмотря на близость растоянія трехъ нашихъ орудій, осыпавшихъ ее картечью почти вплотную. Положеніе отступавшихъ было самое критическое. Къ тяжести положенія — неожиданно замолкъ пулеметъ Жарова. Но искуссный дирижеръ оказался не менѣе талантливымъ и въ своей другой специальности — пулеметчика. На подводѣ, несшейся вскачь за отступавшими остатками полка, онъ успѣлъ устранить задержку и снова установилъ пулеметъ противъ преслѣдователей.

Такимъ образомъ Жаровъ, чудомъ спасшійся самъ, спасъ знамя полка около котораго осталось не болѣе 12 человѣкъ стрѣлковъ. Въ этой колоннѣ отступающихъ былъ и я. Можетъ быть, маленькій регентъ по своей скромности не помнитъ этого эпизода, считая его незначительнымъ. Но кто еще изъ свидѣтелей этого боя остался живъ, тотъ, я увѣренъ, навсегда сохранилъ въ памяти эти героическія минуты.

Между тѣмъ положеніе казаковъ стало критическимъ. Сопротивленіе было болѣе невозможно. Защитники Крыма и «Тавріи» стали терять послѣднія грани своей родины . . . оставили Днѣпръ. На малое время задержались въ Крыму . . . затѣмъ оставили и этотъ клочокъ родной земли.

Дальнѣйшая встрѣча наша съ Жаровымъ была уже на «Екатеринодарѣ». Громадный пароходъ этотъ въ Керчи принялъ остатки нашего пулеметнаго полка. Во всѣ глаза смотрѣли всѣ мы на берега покидаемой родины . . . Плыли . . . куда? — Никто не зналъ. Отъ кого уходили? Отъ своихъ братьевъ. Какая жуть! Какое озлобленіе!

Десятки тысячъ русскихъ, преданныхъ своей родинѣ, плыли въ невѣдомую даль — въ чужіе края . . .

ЖАРОВЪ ОБЪ ЭВАКУАЦІИ ДОНСКОГО КОРПУСА.

(Ноябрь 1920 г.)

Послѣднее сопротивленіе Донскихъ войскъ было сломлено. Крымъ перешелъ въ руки красныхъ частей. Началась поспѣшная эвакуація Донского Корпуса. 15-го ноября въ Керчи погрузилась третья Донская дивизія, къ которой я принадлежалъ. Размѣстились чрезвычайно тѣсно. На моемъ только пароходѣ было около 7 000 человѣкъ. Подъ прикрытіемъ военныхъ судовъ вышли въ море.

Черное Море кипѣло и волновалось. Волнами заливало палубу. Сидѣли тѣснясь въ темныхъ трюмахъ или на открытыхъ палубахъ подъ дождемъ и холоднымъ Нордъ-Остомъ. Страдали отъ голода и жажды.

Нашъ пароходъ, огромный «Екатеринодаръ» стоналъ, борясь съ разыгравшейся бурей. Шелъ медленно съ остановками и задержками. На троссахъ, часто рвавшихся, тащили за собой баржи, нагруженныя воинами . . . Только на четвертый день стало извѣстно, что плывемъ къ берегамъ Турціи. На пароходѣ понемногу изсякли запасы прѣсной воды и хлѣба.

Въ какой-то воинской части нашли муку. Изъ смѣси муки и морской воды нѣкоторые, среди нихъ и я, стали готовить себѣ тѣсто. На рукахъ раскатывали пышки и подпекали ихъ на пароходныхъ трубахъ. Голодъ такъ донималъ, что некогда было дожидаться . . . И теплое тѣсто, чуть, подпеченное, разрывали на куски и отправляли въ пустые желудки.

Восемь дней ничего не видѣли кромѣ пѣнящихся волнъ и тумана. Наконецъ вдали появились очертанія берега. Мы приближались къ Босфору. На мачтахъ, рядомъ съ русскимъ, подняли французскій флагъ. Франція приняла казаковъ подъ свое покровительство. Пароходъ ожилъ. Какъ саранча облѣпили казаки палубы, вышки и крыши, любуясь величественнымъ зрѣлищемъ Босфорской панорамы. Долго стояли у берега, не получая разрѣшенія — покинуть пароходъ. Транспорты разгружались медленно.

Вокругъ парохода кишѣли лодки съ продавцами съѣстныхъ припасовъ. Изголодавшіеся казаки тѣснились около бортовъ, вымѣнивая у алчныхъ турецкихъ продавцовъ послѣднія цѣнности на хлѣбъ, рыбу и воду.

Высадились мы на набережной Саркеджа. Къ берегу медленно подходили пароходы другихъ казачьихъ частей. Не выдерживала свободная казачья натура тѣсноты. — На ходу съ высокихъ бортовъ соскакивали казаки со своимъ багажомъ на берегъ, часто падая при этомъ въ ледяную воду.

Я видѣлъ какъ съ пароходовъ, давно спустившихъ на берегъ трапы, игнорируя ихъ, нетерпѣливо скакали люди, не имѣя въ эту минуту другихъ желаній и стремленій, какъ освободиться изъ заколдованного круга пароходной тѣсноты.

Мой полкъ былъ погруженъ въ вагоны и направился на станцію «Хадемъ-Кіой» (50 километровъ отъ Константинополя), а затѣмъ походнымъ порядкомъ по горнымъ тропинкамъ въ Чилингиръ. Тамъ намъ было суждено провести нѣсколько тяжелыхъ мѣсяцевъ, быть можетъ, самыхъ тяжелыхъ въ моей жизни.

ЧИЛИНГИРЪ, ЛАГЕРЬ СМЕРТИ.

Чилингиръ, этой маленькой турецкой деревушкѣ, находящейся въ 60 километрахъ отъ Константинополя уже суждено было разъ сыграть печальную роль въ исторіи Балкановъ.

Въ 1912, 13 годахъ во время балканской войны, здѣсь были сосредоточены главныя силы болгаръ. Страшная эпидемія холеры, потребовавшая почти 30 000 тысячъ жертвъ, развалила эту армію, сыгравъ немалую роль въ исходѣ всей кампаніи.

Населеніе деревни немногочисленно; оно состоитъ изъ турокъ, грековъ и цыганъ, занимающихся, главнымъ образомъ, овцеводствомъ.

Мрачное впечатлѣніе производитъ унылая природа, похоронившая въ себѣ нѣсколько бѣдныхъ домиковъ. Намъ невольно мерещился призракъ смерти въ ея ледяномъ осеннемъ дыханіи.

На окраинѣ Чилингира расположены были съ десятокъ длинныхъ, загаженныхъ овчаренъ, полуразвалившихся и сырыхъ. Сюда въ свое время загоняли овецъ въ дождливую и морозную погоду.

Эти сараи, совершенно неприспособленные для жилья, должны были пріютить утомленныхъ казаковъ.

Застучали лопаты и кирки. Безмолвный край ожилъ. Появлялись землянки. Бараки приводились въ порядокъ. Разбитыя окна закладывались и заклеивались бумагой. Полъ вычищался отъ навоза.

Въ одинъ изъ такихъ бараковъ попалъ и я. Страшный холодъ и сырость не давали мнѣ спать въ первую ночь. Печи въ баракѣ не было. Въ первое время прямо на полу разводили костеръ. Удушливый дымъ щипалъ глаза и наполнялъ помѣщеніе прежде чѣмъ выходилъ въ огромное отверстіе въ крышѣ, спеціально для этого сдѣланное еще во время пребыванія здѣсь нашихъ предшественниковъ — овецъ.

Помню, какъ грудами, тѣсно прижавшись другъ къ другу, лежали мы на твердомъ полу, поминутно просыпаясь, когда комунибудь нужно было выйти изъ барака. Ходили другъ черезъ друга по ногамъ и головамъ, спотыкаясь о чужія тѣла, часто падая по дорогѣ.

Утромъ я пробуждался отъ гула голосовъ, дрожа отъ холода, проникавшаго черезъ вѣтхія стѣны. Впослѣдствіи изъ кирпичей и консервныхъ банокъ сооружалось подобіе печей. Но дымъ проходилъ черезъ самодѣльныя трубы, и печи эти мало согрѣвали.

Въ землянкахъ было теплѣе и лучше; потому началось паломничество изъ бараковъ. Дупло огромнаго дерева было также приспособлено для жилья, и 10 предпріимчивыхъ казаковъ чувствовали себя въ немъ дома.

Какъ долго должно было продолжаться наше изгнаніе, никто не зналъ. Въ началѣ жили тупо, по животному, отдыхая отъ напряженій послѣднихъ походовъ и эвакуаціи. Потомъ, какъ-бы пробудившись къ жизни, спрашивали себя, что будетъ.

Каждый день, во всякую погоду, дождливую и снѣжную, ходили группами въ сопровожденіи французскихъ караульныхъ, состоявшихъ при лагерѣ, за дровами. Шашкой рубили сухія деревья; топоровъ не было, и на спинѣ, далеко въ лагерь, несли нарубленное топливо.

Несмотря на сплоченную жизнь, очень скоро начали чувствовать одиночество и тоску по роднымъ мѣстамъ. Въ эти печальные дни я часто одиноко бродилъ между бараками и землянками, наблюдая жизнь казаковъ.

Терпѣнію этихъ людей не было казалось предѣла и, заражаясь этимъ терпѣніемъ я ждалъ наступленія перемѣнъ. Тутъ часто встрѣчался я съ полковымъ священникомъ отцомъ Михаиломъ. Мы вмѣстѣ устраивали очаги, разводили костры среди обширной площади между сараями и вели бесѣды на разныя темы.

Бездѣятельность, голодъ и безцѣльность такой жизни меня толкнули на крайность. Какъ-то французы, бывшіе хозяевами въ лагерѣ, открыли для желающихъ казаковъ запись въ иностранный легіонъ. Однимъ изъ немногихъ желающихъ оказался я. Мое рѣшеніе вызвало большое смущеніе среди офицеровъ однополчанъ. Меня всячески отговаривали отъ этого шага. Больше всего противъ моего рѣшенія былъ нашъ полковой священникъ.

«Зачѣмъ?» говорилъ онъ, «идти въ иностранный легіонъ, подвергать себя опасности . . . умереть, за что? — Только за то, что тебя пріодѣнутъ и, можетъ быть, лучше накормятъ? Снабдятъ какой-нибудь ничтожной суммой денегъ? Нѣтъ!»

Но мнѣ надоѣло валяться въ грязи, надоѣло голодать. Этому жалкому, недостойному существованію я предпочелъ легіонъ. Я былъ глухъ ко всѣмъ просьбамъ друзей, не покидать ихъ. И я остался вѣренъ своему рѣшенію.

На утро я добрался до желѣзнодорожной станціи, откуда нашу партію добровольцевъ должны были отправить въ Константинополь, а оттуда дальше, къ конечной цѣли: Марокко. Я ждалъ состава поѣзда, назначеннаго на этотъ день.

Но судьбѣ было угодно рѣшить иначе: по неизвѣстной причинѣ составъ поданъ не былъ . . . Предостереженіе?

Я задумался. — Значитъ не судьба! На слѣдующій день я уже не пошелъ больше на станцію.

Опять потекла безпросвѣтная лагерная жизнь, безъ всякой личной инициативы.

Продовольственный паекъ былъ чрезвычайно малъ и жили мы впроголодь. Не было горячей воды, чтобы хорошенько вымыться и выстирать бѣлье. Насѣкомые насъ форменнымъ образомъ поѣдали. Весь лагерь находился в кройне антисанитарномъ состояніи. Изъ ручья, въ которомъ стирали бѣлье, несмотря на запрещеніе, часто пили воду, такъ какъ воды въ Чилингерѣ было мало.

Не было мыла. Одинъ килограммъ полагался на 25 человѣкъ въ мѣсяцъ. Начались первыя заболѣванія. И, какъ 8 лѣтъ тому назадъ, надъ нашимъ лагеремъ, станомъ лишеній, голода и отчаянія выросъ грозный призракъ холеры.

Лагерь былъ окруженъ постами французовъ. Былъ назначенъ продолжительный карантинъ. Дни проходили какъ въ тюрьмѣ, среди чужой, дикой природы. Духъ начиналъ падать и надежда на возвращеніе въ Россію становилась слабѣе и слабѣе. Привыкшій къ свободѣ казакъ, любящій свою станицу, свой Донъ, безнадежно затосковалъ.

Безконечно медленно и тоскливо проходили дни. Въ 6 часовъ лагерь будила заря. Въ зловонныхъ баракахъ пробуждалась жизнь. Свѣтъ холодный и непривѣтливый тускло вливался въ маленькія окна. Поднимались медленно, нехотя . . . Гулъ голосовъ прерывался со всѣхъ сторонъ ужаснымъ рѣжущимъ слухъ кашлемъ . . .

Изъ за недостатка тепла и солнца не было возможности согрѣться. Негдѣ было повѣсить промокшую отъ дождей и тумана одежду. Мнѣ было всегда холодно. Согрѣвался я чаемъ, выпивая его въ большихъ количествахъ.

Утромъ раздатчики шли за продуктами. Къ восьми часамъ утра начиналась дѣлежка продуктовъ по сотнямъ. Раздавали справедливо, отсчитывая каждое зернышко, каждую крошку.

Къ разложеннымъ въ рядъ порціямъ кто-нибудь изъ казаковъ становился спиною. Тогда другой казакъ по очереди дотрагивался до кучекъ.

«Кому?» звучалъ вопросъ.

«Давыдову, Шляхтину, Бажанову» . . ., отвѣчалъ повернутый спиной казакъ.

«Кому? Кому?» неслося по всѣмъ баракамъ.

Несмотря на тяжелыя жизненныя условія, несмотря на безвыходность создавшагося положенія. Несмотря на одиночество и болѣзнь, дисциплина среди казаковъ не ослабѣвала.

Въ эти дни я научился «готовить», комбинируя фасоль, консервы и чечевицу. Но пріятелямъ моимъ моя стряпня была не по душѣ и очень скоро мнѣ пришлось сложить съ себя функцію добровольнаго повара. Способностей я ни къ чему въ жизни не проявлялъ, и здѣсь я тоже остался вѣренъ себѣ.

Послѣ обѣда шла уборка бараковъ, постройка землянокъ, стирка бѣлья. Потомъ варили чай и пили вплоть до вечера.

Въ 7 часовъ звучала заря. Темнѣло. День клонился къ концу.

«На молитву, шапки долой!» Молились съ вѣрою, находя въ молитвѣ отраду. Вдохновенно, съ глубокимъ чувствомъ пѣли родной казачій гимнъ:

«Всколыхнулся, взволновался православный тихій Донъ . . .»

ЗАРОЖДЕНІЕ ХОРА.

Со зловѣщей быстротой распространялась по баракамъ холера. Уцѣлевшій рапортъ дивизіоннаго врача отъ декабря 21 года является цѣннымъ документомъ того времени.

«Доношу, что по сіе время въ лагерѣ Чилингирь было 18 случаевъ заболѣваній, подозрительныхъ по холерѣ; изъ нихъ 7 смертныхъ. Для заразныхъ больныхъ отведенъ отдѣльный сарай, который приспособляется, и туда сегодня будутъ переведены всѣ подозрительные.

Ввиду скученности населенія лагеря — нѣтъ возможности правильно вести надзоръ надъ заболѣвающими и во время ихъ выдѣлять. Нѣтъ дезинфекціонныхъ средствъ. Кухонь въ лагерѣ недостаточно и совершенно нѣтъ кипятильниковъ. Нѣтъ дровъ и угля, почему запретить пользованіе сырой водой невозможно. Нѣтъ печей, почему люди при настоящей сырой погодѣ не высыхаютъ, что предрасполагаетъ къ заболѣваніямъ. Недостаточно матерьяла, чтобы задѣлать дыры въ окнахъ и крышахъ. Если это останется въ прежнемъ видѣ, эпидемія приметъ массовый характеръ».

Донврачъ А. С.

Хотя все и не осталось въ прежнемъ видѣ, но не было средствъ, чтобы предотвратить эпидемію. Заболѣванія увеличились и еще больше упалъ духъ томящагося въ неволѣ гарнизона.

Это было самое тяжелое время нашего изгнанія. Оторванность отъ всего міра, голодъ, лишенія и страхъ передъ надвигающейся эпидеміей отнимали всякую вѣру, всякую надежду на лучшіе, болѣе отрадные дни; и только другая вѣра, вѣра въ справедливость Всевышняго, съ каждымъ днемъ крѣпла среди казаковъ. Чувствовался необыкновенный религіозный подъемъ.

Приближался праздникъ св. Николая Чудотворца. Шли приготовленія къ торжественному молебну.

Тогда начальникъ дивизіи отдалъ приказъ, лучшихъ пѣвцовъ всѣхъ полковыхъ хоровъ, уже тогда имѣвшихся, собрать въ одинъ хоръ. Хоръ этотъ долженъ былъ своимъ участіемъ въ богослуженіяхъ содѣйствовать поднятію духа угнетенныхъ войскъ. Въ этотъ хоръ былъ призванъ, какъ спеціалистъ, и я.

Тогда еще никто не зналъ, что этому хору будетъ суждено пѣть на эстрадахъ всего свѣта, что пѣсни его, впервые прозвучавшія среди унылой природы лагеря смерти, будутъ поняты и оцѣнены избалованной публикой концертныхъ залъ Европы, Америки и Австраліи давно забывшей войну, лишенія и голодъ или даже вовсе не узнавшей ихъ.

* *
*

Къ этому времени относится странный сонъ, видѣнный мною. Ясный какъ переживаніе на яву, онъ врѣзался мнѣ глубоко въ память.

Я молодъ, совсѣмъ мальчикъ и играю въ бабки. Подходитъ моя очередь. Ударилъ я въ конъ и выбилъ изъ него серебрянныя монеты. Опять на ходу я. Ударилъ въ него второй разъ, — выбилъ золотыя кольца и золотыя часы.

Проснувшись я отправился къ моему сосѣду, полковому священнику. Разсказалъ ему этотъ необыкновенный сонъ. Просилъ истолковать его.

«Не Соломонъ же я гадатель», отвѣтилъ мнѣ тогда священникъ, «но сонъ понимаю такъ: серебро — не особенно хорошо, говорятъ-это къ слезамъ. А вотъ золото, не робѣй, братъ, — это блескъ и слава. А часы — конечно, время. Настанетъ оно, это время, и откроется передъ тобой блестящее будущее. Еще пробьетъ твой часъ и измѣнится «конъ», т. е. грань твоей жизни».

* *
*

Въ маленькой тѣсной землянкѣ началась работа хора. Ноты писались отъ руки на дешевой, бумагѣ. Все составлялось по памяти. Я занялся первыми аранжировками.

Пѣвцы въ большинствѣ случаевъ были офицеры, и многіе изъ нихъ еще до сегодняшняго дня поютъ у меня въ хорѣ.

Командиръ Донского корпуса, генералъ Абрамовъ, покровительствовалъ намъ. Онъ часто интересовался нашей работой и нерѣдко приглашалъ хоръ къ себѣ въ штабъ, въ деревушку Хадемъ — Кіой, въ десяти километрахъ отъ Чилингиря. При одной изъ такихъ прогулокъ мы попали въ страшную бурю. Промокшіе до костей, мы добрались домой и долго не могли отогрѣться. Нѣкоторые изъ хористовъ еще долго послѣ этого кашляли и жаловались на боль въ горлѣ. Но дѣлалось все это охотно въ полномъ сознаніи своего долга.

Работа кипѣла. Шли регулярныя спѣвки. Репертуаръ богатѣлъ. А между тѣмъ по лагерю циркулировали слухи объ отъѣздѣ частей на незнакомый, таинственный, островъ-Лемносъ.

* *
*

Январь. Ждали атамана. Какъ въ старину непоколебимъ и силенъ былъ среди сыновъ Дона авторитетъ атамана. Что скажетъ онъ? Куда прикажетъ идти? Репетировали парадъ. Подтянулись. Пріободрились. Забыли горесть изгнанія.

А когда черезъ нѣсколько дней протяжное «смирно,» пронеслось по казачьимъ полкамъ и атаманъ въ сопровожденіи командира корпуса проскакалъ передъ строемъ — не было больше усталыхъ и хмурыхъ лицъ. Радость и гордость свѣтилась въ глазахъ воиновъ. Могучее «ура» прокатилось по фронту. Казаки привѣтствовали своего атамана.

Атаманъ, генералъ Африканъ Богаевскій, чрезвычайно популярный среди казаковъ, не захотѣлъ парада. Собравъ вокругъ себя казаковъ, говорилъ о перевозкѣ частей на островъ Лемносъ. Призывалъ къ терпѣнію и сплоченности.

Долго послѣ отъѣзда атамана звучало это странное слово «Лемносъ» среди казаковъ, понемногу превратившееся въ болѣе доступное, болѣе — русское — слово: «Ломоносъ».

Меня сильно взволновала эта новость. Объ островѣ Лемносѣ носились тогда страшные слухи. Говорили о дикомъ песчаномъ островѣ безъ воды и продовольствія. Боялись самого слова «островъ», являвшагося въ представленіи казаковъ символомъ отрѣзанности и одиночества.

Но важно было, что скажетъ атаманъ, Ему подчинялись безропотно.

И опять потекли дни — монотонно и скучно.

НА ОСТРОВѢ ЛЕМНОСЪ.

Мартъ 1921 года. Въ теплый весенній день мы погрузились на пароходъ и мимо Мраморныхъ островов поплыли навстрѣчу загадочному и призрачному Лемносу.

Ждали, что онъ встанет передъ нами — пустынный и одинокій какъ Сахара. На пароходѣ везли съ собой все, что могли забрать, все что было необходимо для экспедиціи въ дикую пустыню. Бѣженцы — дѣды, наученные горькимъ опытомъ Чилингира даже везли съ собой сосуды, наполненные прѣсной водой.

И вотъ, наконецъ, онъ вынырнулъ изъ тумана быстро приближаясь къ намъ, унылый и песчанный Лемносъ. Среди невысокихъ плоскихъ горъ, лишенныхъ растительности, насъ привѣтствовали стройные ряды казачьихъ палатокъ, вносившія нотку жизни въ мертвую природу острова. Палатки — жилища донскихъ и кубанскихъ казаковъ, поселенныхъ здѣсь раньше.

Укладъ нашей жизни и на островѣ ничѣмъ не измѣнился. По-старому жили, не имѣя впереди никакой цѣли среди безконечныхъ предположеній и слуховъ о будущемъ. По прежнему голодали. Рано вставали. Ходили на занятія, усталые ложились спать и изнуренные нравственно, тосковали по дому.

Городъ Мудросъ, лежащій на островѣ, былъ закрытъ для казаковъ. Но никакіе кардоны французовъ, никакіе запреты не

могли удержать казаковъ отъ посѣщенія города.

Сильно привлекала казаковъ старая мудросская церковь, которую греки отдали въ распоряженія русскаго духовенства. Въ этой церкви на русскомъ языкѣ по русскому обряду совершалось богослуженіе — всегда съ участіемъ казачьяго хора.

Приближалась Пасха, самая грустная въ моей жизни. Въ четвергъ на Страстной недѣлѣ въ церкви пѣлъ соединенный хоръ — нашъ и Лемносскій. Хоръ имѣлъ большой успѣхъ у населенія города.

Чтобы отвѣтить культурнымъ запросамъ лагеря, время отъ времени устраивались представленія подъ открытымъ небомъ. На эти представленія приглашались и англичане, имѣвшіе на островѣ свою военную базу.

Гвоздемъ программы являлось хоровое пѣніе. Здѣсь пѣлъ и нашъ хоръ, приводя въ восторгъ холодныхъ англичанъ мелодіями русскихъ пѣсенъ. На спектакли являлись и французы, служившіе намъ на островѣ охраной, греки и чернокожіе.

На Лемносѣ я много работалъ надъ репертуаромъ хора, готовясь къ переѣзду въ славянскія страны, о которомъ внезапно заговорили на островѣ.

Возможность этого отъѣзда зарождала во мнѣ новыя мысли. Я мечталъ о выступленіяхъ хора въ большихъ соборахъ православныхъ странъ. Къ себѣ и хору я предъявлялъ все большія и большія требованія и упорно продолжалъ начатую работу, аранжируя новый репертуаръ и постоянно устраивая спѣвки. Хоръ сталъ для меня цѣлью жизни.

И вотъ случилось нѣчто такое, чего никто изъ насъ не ожидалъ, то, о чемъ мы только въ тайнѣ мечтали. Приказомъ назначенъ былъ день отъѣзда казачьихъ частей съ Лемноса.

Странно, что это извѣстіе меня какъ-будто испугало . . . Оно явилось слишкомъ неожиданно . . . Я боялся за хоръ. Я еще не былъ увѣренъ въ немъ. Мои требованія къ нему превышали его умѣніе. Но фактъ былъ фактомъ. Съ первымъ эшалономъ долженъ былъ въ Болгарію отправиться и хоръ, собранный въ одинъ взводъ.

На островѣ все ликовало. Слышались смѣхъ и шутки. Мрачные дни были забыты. Всѣхъ охватило одно общее желаніе, скорѣй покинуть этотъ отрѣзанный отъ всего свѣта кусочекъ земли.

Хотѣлось увидѣть нормальную жизнь, смѣшаться съ людьми, услышать вокругъ себя понятный говоръ. Такъ хотѣлось сбросить эту вѣтхую, надоѣвшую будничную и изношенную одежду, — замѣнить ее новой, чистой, опрятной. Какъ мало намъ тогда было нужно! . .

Части начали погружаться на пароходъ «Решидъ-Паша». Когда очередь дошла до насъ, страхъ буквально сковалъ мои члены. Нѣтъ, это было безуміемъ! . . Хору, еще въ такой мѣрѣ «сырому», несовершенному, ѣхать въ Болгарію. И тогда во мнѣ созрѣло рѣшеніе — внезапное и упрямое: Останусь на Лемносѣ, не поѣду! Но случилось иначе. Хористы меня взяли силой, подхватили на руки и понесли на пароходъ. Я отбивался долго и упорно. Но ничего не помогло. До отхода парохода меня караулили на палубѣ, боясь моего бѣгства.

А когда пароходъ тронулся, безконечная радость освобожденныхъ казаковъ вылилась въ одномъ нескончаемомъ крикѣ «ура». Эта радость, стихійная, гдѣ-то долго дремавшая, захватила и меня. Я пересталъ проклинать моихъ похитителей...

Грозный призракъ острова потонулъ въ морѣ, — сохранивъ какъ память о казакахъ, остатки покинутого лагеря и два грустныхъ кладбища: не всѣмъ было суждено дожить до желанной свободы.

(На островѣ Лемносъ. Первый составъ хора въ 1921 г.)

БОЛГАРІЯ

...Поздно вечеромъ «Екатеринодаръ» прибылъ въ болгарскій портъ «Бургасъ».

На пристани толпился народъ. Торжественно гремѣлъ военный оркестръ...

Раздали хлѣбъ. Цѣлый хлѣбъ на человѣка! Какое было ликованіе! Какъ мало нужно было человѣку, чтобы заставить его плясать и пѣть отъ радости! Хлѣбъ! Хлѣбъ! Какъ давно мы не видѣли столько хлѣба!.. Забыли, что впереди горячій обѣдъ изъ болгарскихъ кухонъ. Ѣли хлѣбъ, объѣдались хлѣбомъ... Когда настало время обѣда, хлѣба уже ни у кого не было.

Сравнительно быстро прошелъ карантинъ. Части расчленялись и посылались на работы. Шли на постройку желѣзныхъ дорогъ, на фабрики и заводы. Тяжелый періодъ лагерной ссылки былъ за нами. Высадившись въ Бургасѣ, хористы рѣшили чтобы подработать, устроить первый концертъ на болгарской территоріи.

Соорудили огромные плакаты и сами разносили ихъ по городу, зазывая публику къ вечернему представленію. Въ маленькомъ портовомъ городѣ Бургасѣ имѣли первый «серьезный» успѣхъ, выручивъ за концертъ 240 левъ т. е. 8 германскихъ марокъ или два доллара.

ЦЕРКОВЬ ПРИ РУССКОМЪ ПОСОЛЬСТВѢ ВЪ СОФІИ

Начальникъ дивизіи попрежнему покровительствовалъ хору и предложилъ ему остаться при штабѣ въ Софіи.

Начались первыя пререканія. Хористы, принадлежавшіе къ разнымъ частямъ, не захотѣли разстаться со своими соратниками. Хору грозила опасность разсыпаться. Я просилъ, убѣждалъ, настаивалъ. Я горячо вѣрилъ въ будущее нашего молодого хора. Но не было этой вѣры у пѣвцовъ . . .

Намъ помогли начальникъ дивизіи ген. Гусельщиковъ и бывшій Россійскій посланникъ А. М. Петряевъ обѣщая всемѣрно поддерживать хоръ. Мои сотрудники уступили и только очень немногіе покинули насъ. Хоръ былъ спасенъ! Какъ я тогда уже любилъ этотъ хоръ! Какъ я дрожалъ за его существованіе!

Въ первое воскресенье мы пѣли въ маленькой церкви при русскомъ посольствѣ. Послѣ службы намъ предложили остаться при ней въ качествѣ постояннаго церковнаго хора.

Пришлось задуматься. Церковь намъ не могла обезпечить существованія. Приходъ былъ слишкомъ малъ и бѣденъ. Хоръ сталъ передъ необходимостью зарабатывать себѣ на существованіе физической работой, такъ какъ части, по мѣрѣ устройства на работы, постепенно лишались продовольственнаго пайка.

Предложеніе церкви было принято, но было рѣшено параллельно зарабатывать на жизнь. Возможностей было много. Предложенія поступали отовсюду. Члены хора разошлись по работамъ. Какъ офицеры получали мѣста болѣе или менѣе приличныя. Приспособлялись, трудились и достигли того, что вскорѣ выбрались изъ палатокъ въ казармы, которыя ввидѣ особаго расположенія были предоставленны хору Болгарскимъ Военнымъ Министерствомъ. Чтобъ съэкономить довольствовались попрежнему изъ общего котла.

По вечерамъ, несмотря на усталость послѣ работы, хористы продолжали спѣвки, а по воскреснымъ днямъ хоръ попрежнему пѣлъ въ посольской церкви.

Отношеніе болгаръ было хорошее. Участіе хора въ богослуженіяхъ привлекало массу народа. Интересъ къ нему возросталъ.

Если моимъ хористамъ везло на службѣ и на работѣ, то о себѣ я этого сказать не могу. Профессіи свои я мѣнялъ почти еженедѣльно и, по большей части, не по винѣ своихъ работодателей.

Я ужъ какъ-то говорилъ, что способностей у меня рѣшительно ни къ чему не было. — Все, за что я брался, было съ мѣста въ карьеръ потеряннымъ дѣломъ. Если я мылъ бутылки на пивоваренномъ заводѣ, то меня увольняли за самостоятельность. Если я работалъ на картонажной фабрикѣ, то меня разсчитывали за неспособность, а если я лѣпилъ коробки, то былъ самымъ медлительнымъ . . .

Я никогда раньше не зналъ, что при мытьѣ бутылокъ можно проявить какую-то самостоятельность, за которую караютъ. И не зналъ, что для рабочаго картонажной фабрики нужны какіе-то таланты.

За учителя пѣнія въ гимназіи я сошелъ сравнительно благополучно. Училъ дѣтей какъ могъ. Потомъ даже преподавателемъ гимнастики пожиналъ «заслуженные» лавры. Жизнь пріучила ко всему. Все это однако дѣлалось лишь потому, что этого требовалъ желудокъ. Главнымъ содержаніемъ моей жизни — уже тогда былъ хоръ.

Лѣтомъ поступило хору предложеніе, спѣть духовный концертъ въ каѳедральномъ Софійскомъ соборѣ. Предложеніе это было, конечно, съ радостью принято. Этотъ соборъ, подарокъ Россіи, въ память освободительной войны, вмѣстилъ почти 5 000 молящихся въ день нашего выступленія.

Концертъ прошелъ при гробовой тишинѣ. Въ соборѣ были въ большинствѣ русскіе, тоскующіе по оставленной имъ родинѣ. Во время богослуженія было пролито много слезъ, много пережито.

(Донской казачій хоръ въ Болгаріи въ 1923 году)

Успѣхъ концерта окончательно толкнулъ меня на рѣшеніе, освободить хоръ отъ физической работы и дать ему возможность зарабатывать концертами.

Первымъ значительнымъ концертомъ этого рода было выступленіе хора въ Софійскомъ свободномъ театрѣ. Кромѣ насъ въ этомъ концертѣ учавствовали крупныя русскіе артисты, какъ Запорожецъ и Князевъ.

Выступленія наши проходили съ большимъ художественнымъ успѣхомъ, но въ матеріальномъ отношеніи мы находились на прежнемъ уровнѣ. Тѣмъ не менѣе хоръ уже стоялъ на ногахъ.

Начало было положено. Попрежнему находясь на службѣ при посольской церкви, мы устраивали различные концерты, которые намъ давали возможность кое-какъ существовать.

Первые шаги хора.

Въ этому время въ Болгаріи находилась наша знаменитая балерина Тамара Карсавина. Пѣніе хора произвело сильное впечатлѣніе на ея чуткую и религіозную натуру. Благодаря большимъ связямъ, которыми Карсавина располагала въ Болгаріи, мы не разъ приглашались на рауты дипломатическаго корпуса. Хоръ пѣлъ въ испанскомъ, американскомъ и французскомъ посольствахъ, зарабатывая себѣ на жизнь и пріобрѣтая все большій опытъ и увѣренность въ себѣ.

При содѣйствіи нашей покровительницы я впервые задумалъ покинуть предѣлы Болгаріи, чтобы попытать съ хоромъ счастья въ западной Европѣ. Я не надѣялся тамъ сразу начать существовать однимъ пѣніемъ. Одновременно мы рѣшили заняться физическимъ трудомъ, чтобы какъ-нибудь впослѣдствіи всецѣло перейти на заработокъ концертами.

Хоръ уже насчитывалъ тогда 32 человѣка и былъ по моему достаточно подготовленъ, чтобы отвѣтить требованіямъ большой концертной эстрады.

Представитель Лиги Націй, баронъ Ванъ деръ Говенъ, покровительствовалъ хору, но были всетаки большія затрудненія съ визой и деньгами. Сбереженій хоръ не имѣлъ.

Начали поговаривать о Франціи. И тогда я впервые услышалъ слово «Монтаржи», путеводной звѣздой ставшее надъ нами.

Монтаржи было названіе маленькаго французскаго мѣстечка. Тамъ, на заводѣ, хору предложили работу. Заводъ уже имѣлъ хорошій духовой оркестръ и хотѣлъ обзавестись теперь хоромъ. Начались переговоры. Велись они на русскомъ языкѣ, такъ какъ жена фабричнаго директора была русской.

Имѣло ли смыслъ ѣхать на заводъ какого-то невѣдомаго мѣстечка? Я не задумывался надъ этимъ. Моей цѣлью было покинуть Балканы, чтобы въ центральной Европѣ начать съ хоромъ новую жизнь. Быть можетъ Монтаржи былъ тогда только началомъ . . .

Благодаря содѣйствію представителя Лиги Націй и французскаго посла, благодаря усиленнымъ хлопотамъ Тамары Карсавиной, намъ удалось получить визу во Францію сразу на всѣхъ.

Такимъ образомъ, первое препятствіе было удалено съ нашего предполагаемаго пути. Главнымъ препятствіемъ все же остовалось полное отсутствіе денегъ.

Вопросъ — откуда раздобыть на дорогу деньги, меня сильно безпокоилъ. Но намъ повезло. Намъ помогъ Донской Атаманъ, помогла Лига Націй, помогла церковь. Къ сожалѣнію собрано было слишкомъ мало, и часть хора пришлось оставить въ Болгаріи. При благопріятномъ ходѣ дѣлъ, оставшихся хористовъ обѣщали выписать впослѣдствіи.

Я помню прощальную службу въ посольской церкви. Помню горячую просьбу епископа Серафима, не покидать церкви. Помню трогательное прощаніе съ соратниками, съѣхавшимися изъ провинцій. Помню послѣднія колебанія нѣкоторыхъ изъ насъ. Но я былъ твердъ. Я вѣрилъ въ успѣхъ нашего дѣла и заразилъ этой вѣрой моихъ сотрудниковъ. Въ это время я получилъ письмо отъ композитора А. А. Архангельскаго, въ которомъ онъ мнѣ предлогалъ быть его помощникомъ въ его хорѣ въ Прагѣ. Несмотря на хорошое вознагражденіе, которое мнѣ предстояло, я отказался. Уйти отъ собственнаго хора не было силъ.

Поставивъ всѣхъ передъ фактомъ нашего отъѣзда, мы внезапно начали получать концертныя предложенія. Поступали они на французскомъ и англійскомъ языкахъ, которые намъ тогда еще были незнакомы. За переводами ходили къ нашимъ друзьямъ, знавшимъ эти языки. Друзья эти, еще не вѣря въ наши отъѣздъ и опасаясь потерять насъ, умышленно неправильно переводили намъ эти предложенія. Такимъ образомъ, распалась наша первая возможность концертировать въ Америкѣ. Интересно, что цѣлыхъ семь лѣтъ ожиданія прошло съ тѣхъ поръ, пока намъ впервые удалось осуществить планъ нашей первой американской поѣздки. Тогда, очевидно, намъ это было не суждено.

Утромъ 23 июня 1923 года мы покинули Софію. Больно щемило сердце при видѣ провожавшей насъ толпы. На перронѣ стояли оставшіяся друзья, хористы печально глядя намъ вслѣдъ. А впереди была чужая страна и неизвѣстность.

ВЪ СТРАНѢ БЫВШИХЪ ВРАГОВЪ

Ѣхали волнуясь, какъ бы испугавшись необдуманнаго поступка. Боялись, что изъза недостатка денегъ не доѣдемъ до Монтаржи. Зато ѣхали «вольными» пассажирами, не завися ни отъ кого. Глядѣли другъ на друга, не вѣря тому, что это возможно.

На пограничной станціи между Сербіей и Болгаріей намъ встрѣтились русскіе офицеры на сербской службѣ и русскія сестры милосердія. Насъ обнадежили. Угостили чаемъ и проводили сердечными пожеланіями.

На станціи запѣли, завоевавъ этимъ путемъ симпатію желѣзнодорожной организаціи, которая во всемъ шла намъ навстрѣчу.

Добрались до Бѣлграда, почти истощивъ свой денежный запасъ. Тогда представленія о деньгахъ и объ ихъ цѣнности были у

(Хоръ послѣ концерта въ Вѣнѣ въ 1923 г.)

насъ еще примитивныя. На станціи насъ встрѣтилъ представитель Донскаго атамана. Морально намъ эта встрѣча оказала большую поддержку.

Отъ Бѣлграда до Вѣны на проѣздъ денегъ не хватило. Поѣхали дешевле — пароходомъ. На пароходѣ, пошептавшись, рѣшили спѣть. Побороли робость, начали. Публика охотно слушала русскія пѣсни. «Концертъ» прошелъ съ успѣхомъ. Хоровая касса вновь пополнилась деньгами.

Въ Лигу Націй было послано извѣщеніе о нашемъ пріѣздѣ и ея представитель, баронъ Ванъ деръ Говенъ, явился на пароходъ... Если дорога и уготовляла намъ много препятствій, то таможенный контроль мы прошли легко. Ѣхали мы налегкѣ, не имѣя даже столь драгоцѣнныхъ вещей, какъ пальто. Чемодановъ по большей части тоже не имѣли.

Чуждо и непонятно звучалъ вокругъ насъ незнакомый языкъ. Неувѣренно чувствуя себя, мы боялись потерять другъ друга въ огромномъ городѣ. По прибытію направились на мѣсто своего ночлега.

Пробывъ почти съ 1914 года на войнѣ и не видѣвши долгое время большого европейскаго города, мы были потрясены Вѣной.

Были еще на свѣтѣ мѣста, не кричавшія о войнѣ, бѣдствіяхъ и лагерной жизни! Мы шли по благоустроеннымъ улицамъ. Дома, большіе и красивые, такъ мало напоминающіе то, что намъ до сихъ поръ служило жилищемъ, поражали насъ.

Вокругъ насъ звучала нѣмецкая рѣчь, какъ что-то вполнѣ понятное. Мы видѣли довольныя лица, хорошо одѣтыхъ людей. Неужели все это было правдой?

И казалось, что никогда не было войны, — такъ спокойно они проходилъ мимо насъ, наши вчерашніе враги, которые еще недавно въ тѣхъ сѣрыхъ мундирахъ съ

оружіемъ въ рукахъ, шли противъ насъ. А мы, ненавистные имъ казаки, шли по ихъ улицамъ, не боясь быть задѣтыми, какъ ни въ чемъ ни бывало, какъ будто никогда и не было иначе.

Вѣна, солнечная, жизнерадостная, съ любезными привѣтливыми людьми дышала вокругъ насъ радостью бытія. Для нихъ война уже давно была кончена. Это только мы еще жили подъ впечатлѣніемъ ея гнета, не сумѣвъ еще вполнѣ отдѣлаться отъ гнилого запаха казармы, отъ лагерной жизни и военнаго котла.

Жизнь, жизнь! Какъ она была прекрасна въ этотъ солнечный день! Дыша полной грудью, высоко поднявъ голову, я всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ ея радостный трепетъ.

Опять хотѣлось жить! Чувства далекія, долго дремавшія, рвались наружу. Неужели завтра мы должны будемъ покинуть этотъ городъ, чтобы ѣхать туда, гдѣ сгрудившись въ рабочихъ казармахъ жили несчастные, какъ мы, люди?

Неужели впереди опять прежняя безпросвѣтная и безцѣльная жизнь? И этотъ хоръ, за который я боролся, съ которымъ я сросся, — неужели ему предстояла работа на заводѣ маленькаго французскаго городка?

Но судьба наша отвѣтила: Нѣтъ! — Наступили событія, в корнѣ измѣнившія всѣ наши предположенія. Хоръ въ Монтаржи не поѣхалъ.

РѢШЕНІЕ СУДЬБЫ.

Представитель Лиги Націй заинтересовался хоромъ и представилъ его директору концертнаго бюро въ Вѣнѣ — Геллеру. Геллеръ, симпатичный живой старикъ, предложилъ намъ пробный концертъ въ помѣщеніи концертной дирекціи.

Изодранные, въ разнообразныхъ военныхъ формахъ, предстали мы передъ вершителемъ нашей судьбы. Почтительно ступали грубыми сапогами по гладкому паркету и коврамъ элегантныхъ помѣщеній. Все это было для насъ неожиданно и ново. Покорно шли мы въ залу концертной дирекціи.

Сознаніе, что здѣсь въ этихъ помѣщеніяхъ уже не разъ открывались таланты и что здѣсь, именно здѣсь, за сценой, зарождались большія карьеры, увеличило мое волненіе.

И вотъ передъ представителями прессы и театральнаго міра я представилъ свой хоръ. Впечатлѣніе, произведенное хоромъ, далеко превзошло всѣ ожиданія.

Французскій фабричный городъ съ заученнымъ именемъ Монтаржи такъ и остался несбывшимся сномъ. 4-го іюля въ роскошномъ залѣ «Гофбургъ», должно было подъ моимъ управленіемъ состояться впервые выступленіе хора. Мы стояли у цѣли . . .

Приготовленія къ концерту, прошедшія въ страшномъ волненіи и мучительномъ ожиданіи, какъ-то расплылись въ моей памяти. Онѣ блѣднѣютъ передъ тѣмъ знаменательнымъ днемъ моей жизни, когда мнѣ суждено было съ хоромъ предстать передъ вѣнской публикой, извѣстной своимъ вкусомъ и врожденнымъ пониманіемъ музыки. Рѣшающій моментъ приближался.

Взволнованнымъ кольцомъ окружили мы въ артистической директора, принимая отъ него всевозможные совѣты. Въ эту минуту не нуженъ былъ переводчикъ. Понимали другъ друга. Съ нашимъ первымъ большимъ выступленіемъ волновался и онъ. Его жена, такая же внимательная и заботливая, приняла въ насъ близкое участіе. Она угощала насъ чаемъ съ ромомъ, больше отдававшимъ ромомъ, чѣмъ чаемъ. Она бесѣдовала съ нами, успокаивающе хлопала по плечу и всячески выражала къ намъ свое расположеніе.

Эти милые старики замѣнили намъ въ новой непривычной средѣ безпомощнымъ дѣтямъ, напутствующихъ, любящихъ родителей. Сѣдой директоръ объяснялъ намъ, что передъ нами уже многіе такъ же стояли передъ этимъ опущеннымъ занавѣсомъ, мучимые тѣмъ же жуткимъ вопросомъ: удастся или не удастся? И какъ-бы повторяя этотъ вопросъ, я спросилъ по нѣмецки какъ могъ:

«Удастся, господинъ директоръ, или нѣтъ?»

«Несомнѣнно удастся, дорогой мой, будьте смѣлы и терпѣливы».

Мы еще не вѣрили, что мечтамъ нашимъ суждено осуществиться, что черезъ нѣсколько минутъ мы должны стоять на первой большой европейской эстрадѣ.

Я собралъ хористовъ вокругъ себя, отдавая имъ нужныя инструкціи. Какъ жалко они тогда выглядѣли въ своихъ потертыхъ, заштопанныхъ гимнастеркахъ различнаго цвѣта и покроя! Одинъ въ обмоткахъ, другой — въ сапогахъ...

Я выбралъ самыхъ опрятныхъ изъ нихъ, чтобы «закрыть» ими, насколько это разрѣшало раздѣленіе голосовъ, наиболѣе потрепанныхъ и рванныхъ. Рванныхъ . . . — Да мы всѣ еще были оборванцами, выходцами изъ нищаго, угрюмаго чилингарскаго лагеря.

Еще нѣсколько словъ. Нѣсколько вопросовъ, оставшихся безъ отвѣта, и . . . начало подошло. Каждый моментъ дверь на сцену должна была открыться. За стѣной волновался залъ.

И вотъ эта дверь открылась. Одинъ за другимъ хористы проходили на эстраду, многіе изъ нихъ осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ. Залитые свѣтомъ, встали они привычнымъ полукругомъ. Очередь была за мной.

Я остановился въ дверяхъ. Припадокъ страшной слабости сковалъ мои члены. Потерявъ надъ собою власть, я не слышалъ, что апплодисменты, привѣтствовавшіе хоръ, уже замолкли. Ждали меня. Я слышалъ, какъ взволнованный директоръ, что-то приказывалъ мнѣ. Но я не понималъ его словъ. Я не могъ двинуться съ мѣста.

И вдругъ, какъ тогда передъ нашимъ отъѣздомъ въ Болгарію, мнѣ хотѣлось убѣжать . . . убѣжать куда попало . . . Спрятаться отъ цѣлаго свѣта. Забыть, что я — Жаровъ, что хоръ мой стоитъ на сценѣ и ждетъ моего появленія . . .

Я сдѣлалъ движеніе, чтобы повернуться, но чьи-то руки меня насильно толкнули черезъ порогъ, и, ослѣпленный яркимъ свѣтомъ, я очутился на сценѣ. . .

Глухой шумъ покатился мнѣ навстрѣчу. Я понялъ, что встрѣчали меня. Какъ сквозь туманъ, увидѣлъ я передъ собой переполненный залъ и близко, почти у самой эстрады, лица нарядной публики первыхъ рядовъ. Тогда вдругъ дошло до моего сознанія, какъ бѣдно я былъ одѣтъ, что черезъ большую дыру моего ботинка, напоминая о жалкомъ прошломъ, виднѣлась бѣлая, военная портянка. Болѣзненно сжалось отъ стыда сердце . . . Урывки мыслей проносились въ моей головѣ обгоняя другъ друга и вдругъ ясно, совсѣмъ ясно, я вспомнилъ этотъ залъ и эту эстраду. Здѣсь, много лѣтъ тому назадъ, еще маленькимъ мальчикомъ, я стоялъ въ рядахъ сvнодальнаго хора . . .

Поборовъ стыдъ, робость и воспоминанія, я поднялъ руки. Хоръ замеръ. Въ залѣ наступила гробовая тишина.

«Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ и молимтися, Боже нашъ!!»

Хоръ звучалъ какъ органъ. Вся горесть предыдущей страдальческой жизни трепетала въ его аккордахъ. Такъ хоръ еще никогда не пѣлъ! Такъ никогда еще не переживалъ . . .

Послѣдніе звуки прекраснаго церковнаго напѣва вдохновенной музыки Рахманинова еще звучали въ застывшемъ залѣ, когда я опустилъ руки. Нарастающій шумъ апплодисментовъ и криковъ одобренія разбудилъ меня къ дѣйствительности.

А дѣйствительность предстала передо мною въ лицѣ моихъ хористовъ, стоявшихъ на эстрадѣ огромнаго европейскаго зала, въ оглушительномъ шумѣ апплодисментовъ и въ удовлетворенномъ сознаніи достигнутаго. Я повернулся.

Что-то сжало мнѣ горло. Въ мутной пеленѣ поплылъ передо мной залъ. Слезы радости и волненія окутали все туманомъ.

Опять дирижировалъ. Опять заставлялъ замолкнуть все. . . Опять слышалъ апплo-

дисменты. Кланялся, благодарилъ. Программу концерта провелъ какъ во снѣ. . .

Толпы поздравляющихъ тѣснились послѣ концерта въ моей гардеробной. Счастливый и усталый я принималъ благодарность отъ знакомыхъ и незнакомыхъ. Пожималъ руки. Отвѣчалъ на безконечные вопросы. Давалъ себя обнимать и гладить. Раздавалъ автограммы.

«Господинъ Жаровъ, Вы будете пѣть съ Вашимъ хоромъ не одинъ разъ, а тысячу разъ!» Передо мной стоялъ сіяющій директоръ. Потомъ я узналъ, что хоръ былъ на два мѣсяца ангажированъ для Вѣны, и провинціальныхъ городовъ Австріи и Чехословакіи. А впереди стояла переспектива швейцарскаго турнэ. Быстрѣе, чѣмъ мы предполагали, представилась возможность выписать изъ Болгаріи нашихъ оставшихся сотрудниковъ. Физическая работа могла быть теперь забыта.

Я былъ такъ счастливъ въ эти минуты успѣха, и если былъ на свѣтѣ еще человѣкъ, кромѣ моихъ хористовъ, который меня понималъ и со мной искренно дѣлилъ мою радость, то это былъ старый, милый концертный директоръ Геллеръ, для котораго моя радость была больше, чѣмъ матеріальный успѣхъ дѣла.

Въ моей продолжительной, теперь уже почти десятилѣтней, дѣятельности я встрѣчалъ много людей. Многіе изъ нихъ никогда не исчезнутъ изъ моей памяти. Къ этимъ людямъ принадлежитъ этотъ мягкосердечный, во всѣхъ отношеніяхъ гуманный вѣнецъ, къ сожалѣнію, уже ушедшій изъ этой жизни. . .

Утомленный перенесенными волненіями, я глубоко заснулъ въ своей комнатѣ. А когда проснулся, вся комната и кровать были усѣяны цвѣтами. Они были подаркомъ представителя Лиги Націй. Эти цвѣты должны были олицетворить символъ успѣха и радости моей предстоящей работы . . .

* *
*

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого концерта одинъ изъ моихъ друзей хористовъ подошелъ ко мнѣ. Я стоялъ у открытаго окна поѣзда, который мчалъ насъ въ Грацъ.

«Смотри, Сергѣй, вотъ мы теперь уже свободные люди, ѣдемъ въ европейское турнэ, впереди, можетъ быть, обезпеченность и слава. Могъ ли это кто-нибудь изъ насъ предположить въ Чилингирѣ или даже въ Болгаріи? — Нѣтъ. Никто этого не ждалъ . . . Только ты одинъ».

Я насторожился.

«Помнишь, Сергѣй, какъ мы послѣ великопостнаго богослуженія вдвоемъ шли по шпаломъ. Это было въ Болгаріи. Разговаривая о хорѣ, мы вышли далеко за городъ. Ты говорилъ, говорилъ, перескакивая отъ одной темы къ другой, волновался и жестикулирвалъ. Идемъ, вдругъ — шлагбаумъ! Я никогда не забуду этой сцены. Какъ пророкъ остановился ты передъ неожиданнымъ препятствіемъ и сказалъ, почти закричавъ. Я помню прямо вѣщія слова. «Съ этимъ хоромъ можно завоевать свѣтъ. Дайте мнѣ его въ руки! Хористы не вѣрятъ, имъ можно привить эту вѣру! Они повѣрятъ — и успѣхъ и признаніе будутъ!» Я тогда тоже не вѣрилъ въ твои слова. Теперь я заражаюсь твоей вѣрой. Теперь мы всѣ вѣримъ въ тебя и хоръ». . .

Передъ нами колыхались зрѣлыя поля. Яркими крышами пестрѣли среди нихъ домики. Поѣздъ куда-то заворачивалъ, и я увидѣлъ сначала паровозъ, потомъ одинъ вагонъ за другимъ стали появляться въ поворотѣ, вотъ я увидѣлъ цѣлый поѣздъ. Мы ѣхали въ самомъ хвостѣ.

Мой другъ смотрѣлъ на меня и какъ-бы угадывая мои мысли улыбнувшись замѣтилъ:

«Ничего, Сережа, быть намъ еще впереди.»

* *
*

Всѣ мы всегда были друзьями въ хорѣ. Мы остались ими и по сей день. Наша тѣсная дружба, возникшая еще въ арміи,

выдержала всѣ невзгоды, которымъ мы подвергались. Мы не разошлись и не разсыпались, когда мы голодали. Мы живемъ сплоченной семьей и теперь, когда годы нужды и бѣдствій минули.

У насъ одно общее прошлое. Одна общая цѣль впереди. У насъ одна общая вѣра, одинъ общій идеалъ.

* *
*

Вѣнскіе концерты прошли, научивъ меня многому. Они показали мнѣ, что я оказался правъ, ища новыхъ путей хорового пѣнія. Я всегда избѣгалъ скуки въ исполненіи. Я всегда искалъ разнообразія, которое не всегда достижимо въ однообразномъ хорѣ.

Построивъ свой хоръ уже раньше на новыхъ принципахъ, я ввелъ въ него подражаніе струнному оркестру, — и вѣнскіе концерты мнѣ показали, что я былъ на правильномъ пути. Предшественниковъ у меня въ этомъ направленіи еще не было. Въ Россіи къ этимъ новшествамъ относились скептически. Между тѣмъ какъ я давно замѣтилъ, что достигалъ особаго эффекта, когда заставлялъ, напримѣръ, одну половину хора пѣть съ закрытымъ, другую половину съ открытымъ ртомъ.

Введеніе фальцетовъ значительно расширило діапазонъ хора, придавъ ему свѣжесть. Развивая партіи первыхъ теноровъ (фальцетистовъ) до предѣла ми второй актавы и опираясь на партіи вторыхъ басовъ (октавистовъ) удалось дать хору звучность смѣшаннаго хора.

Въ Россіи были главнымъ образомъ смѣшанные хоры, а потому интересъ къ однородному хору былъ малъ. Естественно, что и композиторы въ большинствѣ случаевъ писали для смѣшанныхъ хоровъ.

Работу по созданію новаго репертуара я всецѣло взялъ на себя. Орранжировки духовныхъ вещей, исполняемыхъ хоромъ, принадлежатъ безъ исключенія мнѣ. Арранжировки свѣтскихъ вещей большей частью сдѣланы также мною; небольшая часть сдѣлана еще А. Т. Гречаниновымъ и И. А. Добровейномъ.

Я опасался превращенія хора въ машину. Опасеніе это увеличилось позже, когда концерты стали почти ежедневными. Поэтому я всегда держалъ хоръ въ нѣкоторомъ напряженіи мѣняя оттѣнки въ однихъ и тѣхъ же вещахъ, измѣняя ускоренія и замедленія. Благодаря этому я всегда держалъ хоръ въ своихъ рукахъ, не давая ему привыкнуть къ опредѣленному шаблону. При этомъ даже часто расходился съ замыслами самаго автора.

Одновременно я научился примѣняться къ акустикѣ зала. Съ перваго аккорда знаю, что лучше звучитъ, высокіе или низкіе голоса, скорый или замедленный темпъ.

ВРАГИ И ДРУЗЬЯ

Грацъ. Переполненный залъ. Первый номеръ концерта былъ законченъ. Вдругъ въ ложѣ поднялся человѣкъ, какъ я послѣ узналъ, профессоръ Грацскаго университета. Въ долгой пламенной рѣчи онъ призывалъ публику оставить залъ и не слушать пѣнія заклятыхъ враговъ, казаковъ.

«Австрійскія жены и матери! Они убивали вашихъ мужей и сыновей, они разоряли вашу родину, покиньте же залъ въ знакъ демонстраціи и протеста противъ этихъ варваровъ!» . . .

Я только что вышелъ на сцену и стоялъ за шеренгой пѣвцовъ слушая непонятныя слова.

«Что онъ говоритъ?», спросилъ я октависта, который еще меньше меня понималъ по нѣмецки.

«Дюже тебя хвалитъ, Сережа».

Я вышелъ на середину эстрады и глубокимъ поклономъ поблагодарилъ оратора за похвалу.

Въ залѣ, сначала затихшемъ, бурей пронеслись аплодисменты. Публика ревѣла, рвалась на сцену. Залъ гудѣлъ отъ овацій по отношенію къ хору. А профессора, ворвавшіеся къ нему люди, попросили изъ ложи. Тогда было еще хорошо, не знать нѣмецкаго языка . . .

Это было въ Штетинѣ. Мы стояли на эстрадѣ, намѣреваясь начать концертъ. Вдругъ въ залѣ произошло движенiе. Я увидѣлъ какъ сѣдой стройный генералъ въ мундирѣ гусара показался въ проходѣ между стульями. Всѣ присутствующiе поднялись. Звеня шпорами, генералъ прошелъ въ первые ряды и занялъ свое мѣсто.

Концертъ начался. Я видѣлъ какъ послѣ перваго номера старый генералъ одобрительно апплодировалъ. Мы только что кончили «Коль славенъ . . .» Кто-то подошелъ къ сценѣ и попросилъ повторенiя. Просьба исходила отъ генерала. Послѣ концерта онъ поднялся и направился къ эстрадѣ. Всѣ слѣдили за нимъ.

Вставъ лицомъ къ публикѣ, генералъ поднялъ руку. Все стихло. Въ наступившей тишинѣ мы услышали его твердый, привыкшiй къ командѣ голосъ:

«Я привѣтствую своихъ славныхъ противниковъ галицiйскихъ сраженiй. Казаки, здѣсь, въ мирномъ концертномъ залѣ, я выражаю вамъ свое восхищенiе передъ вашимъ искусствомъ. Вы, эмигранты-офицеры, можете открыто и гордо смотрѣть въ лицо всѣмъ, всѣмъ, всему свѣту.»

Обращенiе генерала было покрыто громкими апплодисментами. Передъ публикой стоялъ одинъ изъ нѣмецкихъ героевъ послѣдней войны: Генералъ фельдмаршалъ Макензенъ. Теперь каждый разъ, когда представительный и любезный кавалеристъ присутствуетъ на нашихъ концертахъ, мы всегда поемъ для него «Коль славенъ. . .» и охотно повторяемъ эту вещь, когда онъ этого требуетъ.

* *
*

v. Mackensen
General-Feldmarschall. 31.3.25.

ПЕРВЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ

Швейцарiя. Январь 1924. Еще тогда очень немногiе изъ насъ знали, что такое транзитная виза. Вступивъ на швейцарскую территорiю и имѣя возможность пѣть концерты, мы широко пользовались этой возможностью. Пѣли цѣлый мѣсяцъ. Въ Ней-Шателлѣ, Лозаннѣ и Женевѣ. Въ Бернѣ, гдѣ мы должны были выступить, паспорта наши внезапно подверглись осмотру. Транзитная виза для цѣлаго мѣсяца пребыванiя въ Швейцарiи оказалось болѣе чѣмъ недостаточной. Хору коротко предложили въ 24 часа покинуть предѣлы страны. А въ Ней-Шателлѣ по расписанiю намъ предстоялъ на слѣдующiй день концертъ. Въ 12 часовъ ночи мы должны были перейти швейцарскую границу. Концертъ въ Ней-Шателлѣ еще спѣли и страшно торопясь чтобы не опоздать, сѣли на поѣздъ, ѣхавшiй къ французской границѣ.

Холодной ночью достигли границы. Градусникъ показывалъ —24° по Реомюру. Отъ границы не было поѣзда и боясь осложненiй, хоръ нанялъ сани и на лошадяхъ помчался къ Понтарлье. Въ саняхъ установили вещи, сами стояли на полозьяхъ. Многiе падали, не будучи въ состоянiи замерзшими руками удержаться за сани. Съ безконечными приключенiями прибыли на мѣсто.

Оказалось много простудившихся. Кому-то понадобилось для больного горла яйцо. Разговориться съ отельнымъ персоналомъ не могли. — Кукурекали, били себя по бокамъ и въ ладаши, рисовали на бумагѣ кружки. Требовали злополучное яйцо.

Куда теперь? — возникъ передъ нами неожиданный вопросъ. На сѣверъ или на югъ? Стоило ли вообще продолжать поѣздку? Денегъ на проѣздъ не было. Визу никуда кромѣ Францiи не давали. И опять предсталъ передъ хористами послѣднимъ выходомъ — далекiй уже забытый было городъ Монтаржи.

Неужели туда? Много раздумывали. Долго колебались. Сообща рѣшили наконецъ работать дальше. Поѣхали на югъ

искать тепла, солнца и успѣха. Выбрали Ниццу.

Первый концертъ спѣли въ городскомъ казино. Я помню шумъ отъ подаваемой посуды и гулъ разговора во время концерта. Я оборвалъ концертъ отказавшись пѣть. Тогда испуганная дирекція обратилась къ публикѣ, требуя тишины. Шумъ мгновенно прекратился.

Послѣ этого слѣдовалъ цѣлый рядъ выступленій, прошедшихъ съ перемѣннымъ матеріальнымъ успѣхомъ. Успѣхъ художественный насъ уже сопровождалъ всюду. Критики намъ пророчили блестящее будущее.

Въ Антибахъ мы оборвали турнэ въ ожиданіи новыхъ предложеній. Мечтали объ Италіи, усердно ведя по этому поводу переговоры черезъ представителя Лиги Націй.

И вотъ подошелъ день нашего отъѣзда въ страну пѣвцовъ, гдѣ предполагалось продолжительное турнэ. Одинъ за другимъ слѣдовали солнечные города: Миланъ, Женева, Туринъ.

Наши первые концерты еще не пользовались той популярностью, которую мы завоевали потомъ. Самое большое впечатлѣніе на итальянцевъ мы производили исполненіемъ духовныхъ пѣснопѣній. Поразили наши фальцеты. . .

Первая половина итальянскаго турнэ въ матеріяльномъ отношеніи прошла плачевно. Къ тому же еще долгое сидѣніе безъ дѣла въ Антибахъ дало себя почувствовать.

Тогда начались для насъ странствованія по маленькимъ итальянскимъ городкамъ, гдѣ зарабатывали гроши. Постояннымъ жительствомъ выбрали Арону около живописнаго Лаго-Маджоре. На концерты ходили пѣшкомъ въ окрестные города, проходя въ день иногда по 20 километровъ. Несмотря на это, хористы не смотрѣли на будущее пессимистически. Разрастающійся успѣхъ окрылилъ ихъ надеждой.

Закусивъ макаронами пускались въ путь въ сосѣдніе города смѣясь и перекидываясь шутками. А послѣ концерта проголодавшись устраивали гонки домой.

Вторая половина турнэ принесла матеріальный успѣхъ. Къ этому времени намъ удалось выхлопотать право на въѣздъ обратно въ Швейцарію, въ чемъ насъ не мало поддержали швейцарскія газеты, горячо протестовавшія противъ необоснованной высылки хора.

(Берлин. Донской казачій хоръ въ переполненномъ залѣ Спортъ-Палласа)

ПО ГЕРМАНІИ

Первый концертъ въ Штутгартѣ.

Больше всего я стремился въ Германію и больше всего боялся ея. Какъ встрѣтитъ она насъ, бывшихъ враговъ, казаковъ съ красными лампасами, оцѣнитъ ли она наше пѣніе? И вотъ наконецъ мы предстали передъ нѣмецкой публикой.

Это было въ Штутгартѣ, въ маѣ 1924 года. Нервничали. Но концертъ прошелъ благополучно. Нѣмцы къ намъ отнеслись хорошо. Вражда давно была забыта. Насъ разспрашивали, интервьюировали. Первый страхъ передъ «страшной Германіей» прошелъ. Пѣли во Франкфуртѣ, Мюнхенѣ и Бреславлѣ, постоянно стремясь въ огромный, требовательный Берлинъ. На слѣдующій день послѣ концерта въ Штутгартѣ сидѣли въ вестибюлѣ отеля и переводили критики. Газета «Швебише Тагвахтъ» писала:

«Состоящій изъ 35 человѣкъ хоръ обозначаетъ сенсацію въ области хорового пѣнія. Мы также располагаемъ прекрасными мужскими хорами, но умѣніе ихъ, даже отдаленно не напоминаетъ то, что намъ вчера было преподнесено Донскимъ Казачьимъ хоромъ»...

Мы пріободрились. Въ Германіи, странѣ хорового пѣнія, къ намъ отнеслись болѣе чѣмъ благосклонно!

У КОРОЛЕВЫ НЕАПОЛИТАНСКОЙ

Передъ концертомъ въ Мюнхенѣ мы увидѣли первый полицейскій кордонъ вокругъ театра. Боялись ли демонстраціи противъ бывшихъ враговъ или опасались чрезмѣрнаго напора публики, не знаю.

Концертъ уже шелъ, когда въ одну изъ ложъ окруженная почтительными фигурами вошла высокая стройная старуха. Головы присутствующихъ повернулись въ ея сторону...

«Королева Марія Неаполитанская», объяснили намъ потомъ за сценой. Послѣ концерта королева захотѣла познакомиться съ хоромъ. Я получилъ приглашеніе къ обѣду. Хоръ былъ приглашенъ къ вечернему чаю.

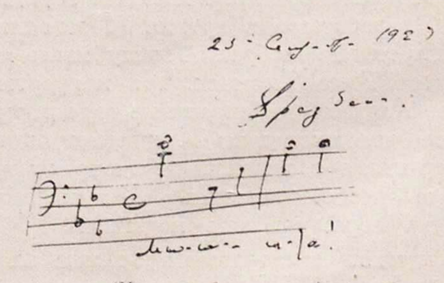
На слѣдующій день мы были въ Мюнхенскомъ дворцѣ 84-лѣтней королевы. Она вышла къ намъ вся въ черномъ, съ офицерскимъ георгіевскимъ крестомъ на груди. Этотъ крестъ ей собственноручно вручилъ императоръ Николай Первый за геройскій бой ея неаполитанскаго гарнизона противъ превосходящихъ силъ Гарибальди.

Въ королевѣ несмотря на высокій возрастъ было много достоинства и личнаго обаянія. Своей простотой она очаровала весь хоръ. Она слышала, что я люблю чай. По ея приказанію мой стаканъ безпрерывно наполнялся. Не будучи въ состояніи отказать королевѣ я геройски выпилъ подрядъ 7 большихъ чашекъ.

«Господину регенту еще чашку чаю». Я морщился, но пилъ въ душѣ проклиная того человѣка, который разсказалъ королевѣ о моей несуществующей слабости. Но королева такъ мило предлагала, что я пилъ, пилъ и пилъ...

Я сидѣлъ рядомъ съ нею, слушая сбивчивый разсказъ о ея молодости, о ея встрѣчахъ и далекихъ переживаніяхъ. Говорила она не доканчивая фразы, часто теряя нить разговора... Случалось, что посреди повѣствованія она тихо засыпала, но внезапно проснувшись, вновь продолжала.

И когда она засыпала, она походила на тѣ фарфоровыя фигурки, неподвижно стоящія за стекломъ и на этажеркахъ ея комнатъ, напоминая старое, доброе прошлое о которомъ только что говорила королева...

(Изъ альбома хора)

(Сергѣй Жаровъ у С. В. Рахманинова въ Дрезденѣ)

ВСТРѢЧА
СЪ С. В. РАХМАНИНОВЫМЪ

Германія намъ оказала радушный пріемъ. Концерты шли при полныхъ сборахъ пробуждая каждый разъ бурю восторговъ у нѣмецкой публики. Мы опасались напрасно. Въ одномъ Дрезденѣ было дано 10 концертовъ. Впослѣдствіи этому городу суждено было сыграть значительную роль въ жизни хора.

Послѣ одного изъ концертовъ въ Дрезденѣ дверь въ артистическую отворилась и высокаго роста господинъ со строгимъ и умнымъ лицомъ направился ко мнѣ. — Я узналъ его сразу, я не могъ не узнать его... Это былъ С. В. Рахманиновъ, котораго я еще мальчикомъ зналъ въ Москвѣ.

Волнуясь и радуясь я смотрѣлъ на Сергѣя Васильевича.

Разговорились. Я спросилъ его о впечатлѣніи, произведенномъ концертомъ. Онъ посмотрѣлъ на меня своими холодными сѣрыми глазами. Улыбнулся.

«И на солнцѣ есть пятна. И у Васъ есть шероховатости. Надо работать, еще много работать.»

Наши встрѣчи стали чаще.

Помню одну изъ нихъ. Сидѣли вдвоемъ. С. В. Рахманиновъ говорилъ мнѣ: «Слишкомъ мало еще въ Васъ вѣры въ себя. Вы должны быть самоувѣренней. Цѣните себя больше. Учитесь у большихъ музыкантовъ. Они были далеко не застѣнчивы. Возьмемъ хотя бы Рубинштейна . . .

Получивъ приглашенiе отъ англiйскаго короля, онъ явился во дворецъ. Но не былъ посаженъ въ томъ залѣ, гдѣ обѣдалъ король. Приглашенный былъ оскорбленъ до глубины души. Поднявшись послѣ обѣда онъ заплатилъ фунтъ и покинулъ залъ. Не менѣе самолюбивъ былъ, судя по разсказамъ Рахманинова, и Листъ.

Во время турнэ венгерскаго композитора по Россiи, императоръ Николай Первый пригласилъ его ко двору. Передъ нимъ и званными гостями Листъ сѣлъ за рояль и началъ играть.

Императоръ наклонился къ своему сосѣду и что-то шепнулъ ему. Листъ прервалъ игру и учтиво спросилъ:

«Быть можетъ я помѣшалъ Вашему Императорскому Величеству?» «Нѣтъ», отвѣтилъ государь, «продолжайте!». Послѣ концерта Листъ получилъ гонораръ за всѣ концерты, предстоявшiе ему въ Россiи, съ одновременнымъ предписанiемъ, въ продолженiи 48-ми часовъ выѣхать за предѣлы государства.

При другой встрѣчѣ мы долго говорили съ Рахманиновымъ о Синодальномъ училищѣ.

Отъ С. В. Рахманинова я получилъ указанiя касающiяся дирижированiя хоромъ.

«Не размахивайте руками», говорилъ онъ, «чѣмъ короче движенiя, тѣмъ у Васъ больше возможностей усиливать звукъ, увеличивая постепенно движенiя. Только короткiя движенiя производятъ впечатлѣнiе на хоръ».

Указанiе Рахманинова я усвоилъ. Я сократилъ движенiя на минимумъ, придавъ имъ больше выразительности и помогая себѣ мимикой. Въ отношенiи репертура и композицiи мнѣ Рахманиновъ также далъ нѣсколько цѣнныхъ указанiй, окончивъ ихъ слѣдующими словами:

«Вы должны быть смѣлѣе въ отношенiи арранжировки. Способности у Васъ есть. Дѣлайте все сами, — спецiальныхъ арранжировокъ для мужского хора нѣтъ.»

Каждый разъ, когда я бываю въ городѣ, гдѣ находится С. В. Рахманиновъ, я неизмѣнно посѣщаю его, чтобы пополнить мой опытъ его указанiями и чтобы мои новыя работы подвергнуть критикѣ моего великаго соотечественника.

ПЕРВЫЙ ОТДЫХЪ

. . . Это было въ Генндорфе, маленькомъ мѣстечкѣ около Зальцбурга. Здѣсь хоръ рѣшилъ на накопленныя деньги отдохнуть послѣ утомительнаго года первыхъ выступленiй.

Былъ iюль 1924 года. Ночью прiѣхали въ городъ. Оттуда шли пѣшкомъ лѣсомъ. На лодкахъ переправились черезъ озеро и съ пѣснями приблизились къ деревушкѣ. Испуганные жители осторожно открывали ставни, чтобы въ щелочку посмотрѣть на невиданное зрѣлище.

Когда мы на утро встали, въ деревушкѣ не было ни одной души. Жизнь какъ-будто вымерла на ея улицахъ. Около 12 медленно начали открываться порвыя окна. Первый житель осторожно показался передъ домомъ. Неувѣренно и боязливо оглядываясь по сторонамъ, прошелъ онъ по кварталу . . .

Тогда мы поняли, что боялись насъ. Лавки были закрыты. Очевидно опасались грабежа. Дѣтямъ и дѣвушкамъ было запрещено показываться на улицѣ. Боялись «страшныхъ» казаковъ, о которыхъ такъ много разсказывалось во время войны.

Сближенiе съ населенiемъ и «курортными» жителями шло туго. Все еще не вѣрили въ миролюбивость нашихъ намѣренiй.

Но русская безшабашность и веселость побѣдили. Контактъ возстановился. Наши спѣвки привлекали безчисленное количество слушателей. Завелись первыя знакомства. Заговорили на общемъ языкѣ.

Насъ снимали, нами интересовались и постепенно мы сдѣлались центромъ внимания маленькаго мѣстечка. Днемъ ходили купаться. Часами лежали на пляжѣ, томно отдыхая и наслаждаясь покоемъ.

Все казалось невѣроятнымъ какъ во снѣ. Никто насъ не гналъ. Вставали не торопясь. Бѣлье давали стирать, ѣли каждый день и были такими же людьми какъ всѣ другiе. Больше того, были людьми, съ которыми считались и которыхъ уже знали.

По вечерамъ танцовали. Русскiе рыцари, въ тяжелыхъ высокихъ сапогахъ, безпощадно топтали бѣлыя туфли своихъ нѣмецкихъ дамъ. Но дамы не протестовали . . .

Бустро, очень быстро, промелькнули полтора мѣсяца. Приблизился день отъѣзда. Большая часть жителей Реннодорфа толпилась на вокзалѣ, когда хоръ покидалъ мѣстечко. Цвѣты, прощальныя рѣчи и пожеланiя успѣха.

Послѣ отдыха поѣхали въ Голландiю, гдѣ въ одной Гагѣ дали около 17-ти концертовъ, а 17-го сентября 1924-го года прибыли въ Берлинъ.

Больше всего я, конечно, боялся этого большого, холодного Берлина. Здѣсь предстояло намъ самое серьезное испытанiе. Послѣ всѣхъ, до этихъ поръ видѣнныхъ городовъ, Берлинъ произвелъ на меня самое яркое, самое могущественное впечатлѣнiе.

Первый вечеръ пѣли передъ представителями прессы и передъ приглашенной публикой въ маленькомъ концертномъ залѣ, вмѣщавшемъ лишь 400 человѣкъ. Успѣхъ вечера далъ намъ возможность показать себя въ Спортъ-Паллаcѣ, вмѣщавшемъ **7000** зрителей.

Программа прошла съ исключительнымъ успѣхомъ. Такъ насъ еще никогда не встрѣчали! 7000 человѣкъ кричали и требовали безчисленныхъ повторенiй. Мы биссировали 10 разъ. Администрацiя театра должна была со сцены оффицiально заявить, что концертъ оконченъ. Потушили огни. Мы давно покинули театръ, а тамъ все еще волновалась и кричала наиболѣе настойчивая часть публики.

За Берлиномъ слѣдовали концерты въ другихъ нѣмецкихъ городахъ. Въ Дрезденѣ, Дюссельдорфѣ, Кельнѣ, Эльберфельдѣ, Дортмундѣ и т. д. Концерты эти уже были устроены при содѣйствiи концертной дирекцiи, съ которой мы подписали нашъ первый контрактъ. Во второй половинѣ 1925 года черезъ Бельгiю мы прибыли въ Лондонъ.

ВЪ СТРАНѢ АЛЬБІОНА

Лондонъ . . . Болѣе ста лѣтъ тому назадъ улицы Лондона были запружены сто тысячной толпой. По нимъ ѣхалъ первый донской казакъ посѣтившiй Англiю: Александръ Землянухинъ.

Съ длинной пикой, при шашкѣ, съ револьверомъ за поясомъ, съ достоинствомъ оглядывалъ онъ восторженно приветствующихъ его людей и спокойно и самоувѣренно разглаживалъ свою окладистую бороду . . .

Наполеонъ отступилъ. Берлинъ былъ занятъ русскими войсками. Лауэнбургъ, тогда принадлежавшiй Англiи, лихимъ налетомъ донскихъ казаковъ былъ отбитъ отъ французовъ. Черезъ весь мiръ широкой волной прокатилась слава казачьяго героя — атамана графа Платова.

А по улицамъ Лондона ѣхалъ казакъ Землянухинъ съ донесенiемъ къ русскому

послу, князю Ливену, о занятіи англійскаго города Лауэнбурга донскими казаками. Появленіе казака превратилось въ огромную манифестацію въ честь русскаго воинства. Улицы кишѣли народомъ. Лондонъ хотѣлъ видѣть русскаго казака.

Лордъ мэръ города приглашаетъ Землянухина въ свой дворецъ и жметъ его заскорузлую твердую руку. Большая Гильдія чевствуетъ казака, и запрудившая площадь толпа требуетъ его появленія на балконѣ. Лордъ мэръ выводитъ Землянухина на балконъ. Громкіе крики восторга звучатъ кругомъ . . . А бородатый казакъ скромно и благодушно благодаритъ мэра.

Городъ собираетъ большую сумму денегъ, чтобы ее передать Землянухину, но простодушный воинъ денегъ не принимаетъ.

«Непристойно казаку принимать денежные подарки, а кому угодно, мнѣ подарить что-нибудь — пускай даритъ мнѣ шашку, чтобъ я ею могъ сражаться съ врагами Россіи».

На бѣломъ конѣ, во всемъ вооруженіи онъ гарцуетъ въ Гайдъ-паркѣ, собирая тысячи любопытныхъ. Популярностью Землянухина пользуются устроители различныхъ торжествъ и гуляній, привлекая народъ присутствіемъ бородатаго казака.

Даже англійскій парламентъ приглашаетъ Землянухина, какъ представителя побѣдной русской арміи. До сегодняшняго дня сохранились въ Лондонѣ открытки, въ свое время въ сотняхъ тысячъ экземплярахъ продававшихся. На нихъ — изображеніе могучаго казака съ пикой и многоговорящая подпись: «Казакъ Землянухинъ, русскій герой безчисленныхъ побѣдныхъ сраженій. . .

Въ этотъ же годъ другой русскій казакъ посѣтилъ Лондонъ — покрытый безсмертной славой: атаманъ графъ Матвѣй Платовъ . . .

Можетъ быть, мы были первыми казаками, появившимися съ тѣхъ поръ въ казачьей формѣ на улицахъ Лондона.

Гигантскій вокзалъ Викторія. Безконечное движеніе автобусовъ и автомобилей у выхода. Люди съ серьезными безучастными лицами. Сѣрыя зданія. Сѣрыя костюмы и сѣрая дождливая погода. Это было наше первое впечатлѣніе отъ Лондона.

Размѣстившись въ отелѣ, мы боялись покинуть его, чтобы не заблудиться въ этомъ гигантскомъ городѣ. Стоя на ближайшемъ углу нашей улицы, мы минутами размышляли, какъ пройти къ отелю, такъ однообразны были всѣ зданія, такъ трудно было по нимъ оріентироваться, такъ сильно было уличное движеніе.

Въ Лондонѣ дали рядъ концертовъ. Наиболѣе яркимъ воспоминаніемъ стоитъ передо мной наше выступленіе въ Виндзорскомъ дворцѣ передъ англійскимъ королемъ Георгомъ V.

Намъ подали придворныя кареты. У дворца насъ встрѣтилъ гофмейстеръ, проводившій насъ въ залъ, гдѣ мы должны были пѣть. Король, несмотря на болѣзнь, въ сопровожденіи королевы явился на концертъ.

Увидѣвъ короля, мы были потрясены, такъ велико было его сходство съ покойнымъ государемъ. Вспомнилось прежнее...

George R.I.

Mary R.

Windsor Castle

June 23rd

1925 —

(Изъ альбома хора)

(Сергѣй Жаровъ возлагаетъ вѣнокъ на могилу неизвѣстнаго воина въ Лондонѣ)

Пѣли два отдѣленія, духовное и свѣтское. Король молчаливо слушалъ. Послѣ концерта онъ направился къ эстрадѣ, на которой мы стояли. Увидѣвъ его приближеніе — я, не задумываясь, соскочилъ съ двухметровой высоты, вызвавъ возгласы одобренія со стороны присутствующихъ и самаго короля.

Король и королева подошли ко мнѣ и милостиво пожали мнѣ руку.

Они спросили о происхожденіи хора, о его прошломъ. Великая княгиня Ксенія Александровна переводила ихъ слова. По желанію короля мы исполнили русскій гимнъ. Опустивъ голову прослушалъ его король. Потомъ, внезапно встрепенувшись, поблагодарилъ и удалился во внутренніе покои. Послѣ концерта намъ показали дворецъ. Мы видѣли залъ рыцарей, тронный залъ и комнату, въ которой во время своего пребыванія въ Лондонѣ, спалъ Императоръ Николай II.

Потомъ былъ поданъ обѣдъ. За каждымъ хористомъ, прислуживая ему, стояло по лакею изъ гвардейцевъ. Прекрасно воспитанные и корректные, они молча смотрѣли на насъ, пившихъ воду, приготовленную для мытья рукъ, и неизмѣнно подливали намъ свѣжую воду въ опустѣвшій хрустальный сосудъ.

АВСТРАЛІЙСКОЕ ТУРНЭ

До марта 1926 понорамой прошли передъ нами безчисленные города Германіи, Швейцаріи, Голландіи, Чехословакіи и Англіи. Одиннадцатого марта мы спѣли концертъ въ Тулонѣ, чтобы потомъ, въ первый разъ покинуть Европу. Ѣхали въ Австралію.

Чемоданы наши медленно покрывались отельными этикетками, превратившись въ пеструю выставку всевозможныхъ отельныхъ названій. Отъ болгарскаго порта Бургасъ до Лондона было пройдено много . . .

Морскихъ волковъ среди насъ не было, а потому, вспоминая нашу единственную поѣздку по Черному морю, никто изъ насъ не говорилъ о привычкѣ ѣздить по водѣ. Размѣстились по двое на одну кабину и ждали отхода парохода. Ночью снялись съ якоря. Спали плохо, испытывая смутное волненіе и переживая въ воспоминаніяхъ первую морскую поѣздку.

Обрадовались утру. Хотѣли видѣть море. Оно было тихо и кротко. Солнце заливало палубу. За завтракомъ оглядывали публику, прислушиваясь къ непонятному англійскому языку. Перелистывали словари. Зазубривали по самоучителямъ, казавшіяся необходимыми, фразы и искали ихъ примѣненія.

Въ Неаполѣ была первая стоянка. Англичане, вооружившись биноклями и кодаками, партіями отправлялись на развалины Помпеи. Туда же ѣхали многіе изъ насъ.

«Неужели вы еще не видѣли руинъ Помпеи?» спрашивали меня мои собѣседники.

«Нѣтъ», отвѣчалъ я скромно.

«Какъ вамъ не стыдно! Каждый культурный человѣкъ долженъ побывать хоть разъ въ Помпеи.»

Но много этихъ культурныхъ людей, уже побывавшихъ разъ въ Помпеи, говорили о Москвѣ какъ о главномъ городѣ Сибири, разбираясь въ элементарной географіи только тогда, когда имѣлся подъ рукой соотвѣтствующій путеводитель.

А впрочемъ, они были правы: зачѣмъ было перегружать голову ненужными вещами, когда каждое «бюро де вуаяжъ» въ любое время могло отвѣтить — гдѣ находится Неаполь, въ Италіи или въ Испаніи.

Мы носили бѣлые костюмы съ тропическими шлемами, чувствуя себя настоящими европейцами, внѣшне мы уже не отличались отъ окружавшихъ насъ пассажировъ.

Портъ Саидъ. Здѣсь пробыли цѣлый день. Оріентальный характеръ города сильно напоминалъ собой Константинополь. Даже здѣсь, такъ далеко отъ Россіи, встрѣчались люди, говорившіе по русски . . .

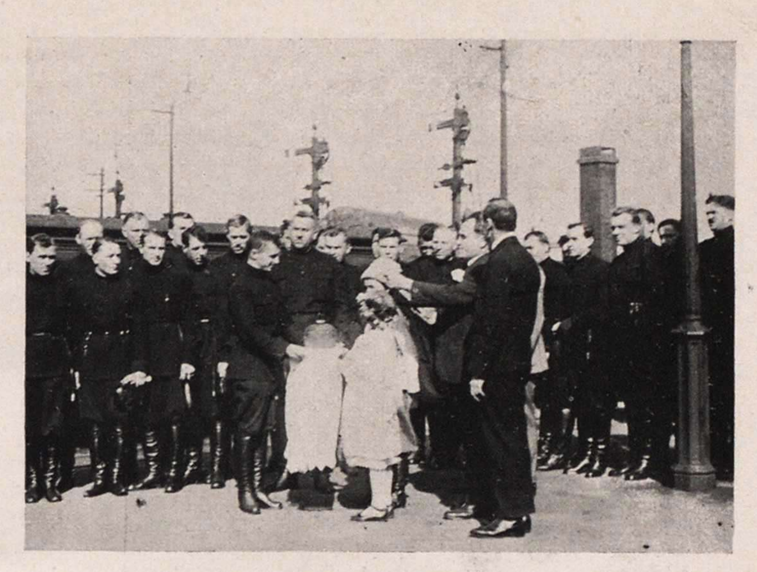
Коломбо. Пестрая портовая жизнь. Безчисленныя рикши, на каждомъ шагу предлагавшія свои услуги.

Я удивился, что ничто меня не поражало, ни непривычная природа, ни пестрое населеніе, ни факиры, сидѣвшіе посреди улицы и демонстрирующіе свои фокусы. Все это я какъ будто когда-то видѣлъ. Не знаю когда. Это чувство, что ничто больше не ново для меня, преслѣдовало меня всюду.

Я ушелъ въ себя. Я думалъ о работѣ, о новыхъ испытаніяхъ и новыхъ возможностяхъ. Я вернулся на пароходъ. Въ городѣ я себя никогда не чувствовалъ хорошо. Люди меня утомляли. Я всегда мечталъ о покоѣ, о маленькой деревушкѣ, о деревенской тишинѣ.

Когда на палубѣ все сбѣгалось, чтобы полюбоваться прекрасными закатами солнца, я сидѣлъ созерцая эту красоту, одинъ, самъ съ собою. Потребность одиночества меня никогда не покидала, даже когда меня окружало самое веселое общество . . .

Буря. Волны огромныя какъ горы, пѣнясь разбивались о бортъ парохода. Онѣ подползали подъ него, поднимая его высоко на свой хребетъ. Онѣ разступались подъ нимъ, повергая его въ глубокую пропасть. Ночь выла и бѣсновалась. Мы лежали пластомъ на своихъ койкахъ безъ сна, боясь сдвинуться съ мѣста. Вдругъ что-то ударило, громко и раскатисто . . . Колоколъ. Ог-

(Сидней. Представители русской колоніи встрѣчаютъ хоръ на пристани хлѣбомъ-солью)

ромный колоколъ. Мы всполошились. Неужели это было сигналомъ?

«Ребята», раздался вдругъ голосъ хорового танцора. «Тревога! Готовиться акуламъ на ужинъ! Не слышите колоколъ?» А оторванный колоколъ съ глухимъ звономъ катался по палубѣ, наводя панику на пассажировъ . . .

Аделаида. Представители мѣстной концертной дирекціи. Фотографы, журналисты. Черезъ часъ послѣ пріѣзда 15 автомобилей увезли казаковъ въ городъ. Дѣлали остановки, собирая вокругъ себя толпы народа, задерживавшія уличное движеніе.

Для глаза не открывалось ничего новаго. Городъ ничѣмъ не отличался отъ европейскихъ городовъ, которыхъ мы навидались такъ много. Англичане — корректные и молчаливые какъ въ Лондонѣ. Чего-то не хватало для казаковъ.

«Гдѣ же черные?» спрашивали хористы. Но черныхъ почти не было, они были на сѣверѣ Австраліи.

Первые концерты показали, что европейская программа была непригодна для здѣшней публики. Она любила легкую музыку — народныя пѣсни и марши. Приходили въ восторгъ отъ танцевъ. Послѣ Аделаиды слѣдовали концерты въ живописномъ, какъ по линейкѣ выстроенномъ, Мельбурнѣ. Потомъ пѣли въ Тувумба, Брисбенѣ и Ипсвичѣ попавъ, наконецъ, въ Сидней, о которомъ такъ много слышали раньше. На пристани насъ встрѣтили представители русской колоніи, поднеся намъ хлѣбъ съ солью. Здѣсь русскіе по внѣшнему виду ничуть не отличались отъ англичанъ и многія изъ нихъ говорили съ англійскимъ акцентомъ. Городъ поразилъ насъ своей фундаментальностью, своими огромными площадями и улицами. Ѣздили по бухтѣ въ окрестности города. Близко сошлись съ публикой, обзаведясь безчисленными знакомыми.

22 концерта прошли въ Сиднѣ при полномъ сборѣ. Не хотѣлось уѣзжать, такъ тѣсно сжились со своими новыми знакомыми. Но день отъѣзда насталъ.

* *
*

(Новая Зеландія. Жаровъ въ кругу видныхъ представителей племени Маори)

Новая Зеландія... На пароходъ сѣли безъ боязни, считая себя уже опытными моряками. Опереточная труппа, ѣхавшая съ нами, вносила оживленіе въ пароходную жизнь. Было весело и пріятно. Слегка поругивали стюарта, когда онъ въ 7 часовъ утра будилъ насъ, принося къ завтраку чашку чая съ яблокомъ. Но и съ этимъ примирились.

По дорогѣ въ Христчорчъ у южной Зеландіи разыгралась дикая буря. Укачало всѣхъ. Нѣсколько человѣкъ изъ хористовъ буквально подумывали о самоубійствѣ, но прошло и это испытаніе.

За три часа до концерта съ 24-хъ часовымъ опозданіемъ мы, какъ пьяные, вступили на берегъ. Стоило много усилій, чтобы привести себя въ порядокъ къ предстоящему выступленію. Изводили одеколонъ, подкрѣплялись виномъ и съ грѣхомъ пополамъ провели первый концертъ.

Буря настолько повліяла на казаковъ, что одна мысль о морѣ вызывала въ нихъ испугъ. Но ѣхать пришлось.

Нѣсколько хористовъ осталось въ Австраліи, купивъ здѣсь на заработанныя деньги фермы и навсегда промѣнявъ свою профессію пѣвца на сельско-хозяйственную работу. Казака тянуло къ землѣ.

Трудно было разстаться съ дорогими друзьями, дѣлившими съ нами такъ долго всѣ наши радости и невзгоды...

Ѣхали обратно въ Европу, соскучившись по ней. Везли съ собой первыя накопленныя деньги. На пароходѣ диктаторски забрали кухню въ свои руки. Научили повара приготовлять борщъ и русскія котлеты. Теперь пищей были довольны, а съ нами и всѣ пассажиры. Вели себя уже свободнѣе.

Ѣхали черезъ Панамскій каналъ. Фотографировали шлюзы и тащившія нашъ пароходъ вагонетки. Пересѣкли Караибское море и остановились у острова Кюрассау.

Попробовали знаменитое вино. Хоровымъ спеціалистамъ оно не понравилось.

«Больно мудреное» былъ общій діагнозъ. «Попроще бы . . .» Въ концѣ апрѣля прибыли въ Саутгамптонъ.

Съ большимъ удовлетвореніемъ вступили на землю. Въ отель большинство шло пѣшкомъ, чтобы «чувствовать подъ ногами почву».

ПАРИЖЪ
АДМИНИСТРАЦІЯ ХОРА

25-го августа 1926 года мы впервые увидѣли Парижъ. Здѣсь насъ встрѣтилъ донской атаманъ и представители казачьяго союза. Насъ встрѣчали какъ побѣдителей. Въ послѣдній разъ атаманъ видѣлъ насъ оборванцами въ Болгаріи. Теперь мы были «Донскимъ казачьимъ хоромъ», о которомъ писалось и говорилось.

Находились скептики, не вѣрившіе, что мы казаки, говорили о профессіональныхъ пѣвцахъ, надѣвшихъ казачьи шаровары. Но важно было то, что о насъ говорили. Въ Парижъ мы пріѣхали хорошо организованной единицой.

Въ административномъ отношеніи хоровой аппаратъ былъ прекрасно налаженъ. Сама жизнь показала, что всю администрацію хора не въ состояніи вести одинъ человѣкъ. Въ Болгаріи, когда хоръ еще подчинялся военной организаціи, ему достаточно было своего взводнаго командира. Теперь, ставъ независимой единицой, хоръ назначилъ администраторомъ своего человѣка, наиболѣе подходящаго для этой должности. Въ 1924 году былъ въ Австріи избранъ первый администраторъ, являвшійся посредникомъ между регентомъ и хоромъ. Наладивъ работу съ концертной дирекціей, хоръ имѣлъ въ лицѣ администратора защитника своихъ интересовъ и человѣка, представлявшаго его на пути передъ концертными агентами, театральными дирекціями и казенными учрежденіями.

Къ администратору прибавились казначей, ревизіонная коммиссія, бухгалтеръ и библіотекарь. Хоровая библіотека состоящая изъ нотъ, текстовъ и собранныхъ въ книгу критикъ, всегда сопровождаетъ хоръ.

Ввиду частыхъ переѣздовъ хоръ назначилъ своего «министра путей сообщенія», составляющаго по расписанію концертовъ точный маршрутъ. На его обязанности лежало своевременно заказывать билеты для хора, добиваться на нихъ скидокъ и заготовлять вагоны для большихъ переѣздовъ.

Не обошлось и безъ квартирмейстера, приготовляющаго для хора отели и распредѣляющаго между хористами комнаты. Работа постепенно развернулась и потребовала второго администратора. Переписка съ концертной дирекціей разрослась. Переговоры по составленію турнэ, ввиду безпрерывныхъ концертовъ осложнились. Своевременная замѣна и полученіе паспортовъ и визы, все это не могло быть исполнено однимъ лицомъ. Въ 1930-мъ году былъ избранъ второй хоровой администраторъ.

«Устройство» визы принадлежитъ къ самымъ труднымъ и отвѣтственнымъ пунктамъ хоровой администраціи.

Нерѣдко случалось, что приходилось мѣнять цѣлое концертное расписаніе из-за невозможности получить визу въ то или иное государство. Однажды, получивъ принципіальное согласіе на въѣздъ въ одну изъ странъ, хоръ спокойно продолжалъ работу, надѣясь къ моменту въѣзда въ эту страну, получить визу. Но случилось такъ, что хоръ въ послѣдній моментъ получилъ отказъ и впущенъ въ страну не былъ.

Возникли большіе матеріальные убытки. Залы, въ которыхъ долженъ былъ выступить хоръ, должны были быть оплочены, расходы по рекламѣ должны были быть возмѣщены, и хоръ былъ вынужденъ на скорую руку составить новое турнэ, давая концерты въ городахъ, расположенныхъ крайне неудобно.

Однажды даже случилось, что одна половина хора была пропущена черезъ границу, а другая застряла въ пути. Выгодный концертъ долженъ былъ быть отмѣненъ.

Имѣя постоянное соприкосновеніе съ прессой, хоръ выбралъ своего представителя, на обязанности котораго лежало давать интервью и свѣдѣнія о хорѣ. Кромѣ того онъ собиралъ критики и газетныя замѣтки. Впослѣдствіи изъ нихъ была составлена и издана книга, постоянно пополняемая новыми рецензіями и время отъ времени переиздаваемая.

Наконецъ, хоръ назначилъ своего юрисконсульта.

Въ настоящее время хоръ имѣетъ около 20 должностныхъ лицъ, добровольно исполняющихъ свои обязанности и не получающихъ за это никакого вознагражденія.

Этотъ аппаратъ, построенный на добровольныхъ началахъ, является моей твердой опорой. Онъ даетъ мнѣ возможность спокойно и сосредоточенно исполнять обязанности регента и директора хора, не отвлекаясь техническо-хозяйственными вопросами. Мнѣ достаточно только контролировать общія рѣшенія хора . . .

Первый концертъ въ Парижѣ, назначенный въ пользу казаковъ инвалидовъ, прошелъ въ залѣ «Гаво». Передъ театромъ размѣстилась полиція оттѣсняя толпу. Напоръ былъ чудовищный. Парижъ, центръ русской эмиграціи, давно ждалъ ставшихъ извѣстными казаковъ.

Не буду описывать тѣхъ овацій, которыми насъ встрѣтили. Можетъ быть только въ Ригѣ, где наше появленіе было національнымъ праздникомъ, мы пользовались такимъ успѣхомъ.

У ВИЦЕ-КОРОЛЯ ИНДІИ. ВСТРѢЧА СЪ Ф. И. ШАЛЯПИНЫМЪ

После Парижа мы снова пѣли въ Лондонѣ. Во дворцѣ у вице-короля Индіи, гдѣ выступали мы, одновременно долженъ былъ пѣть Ф. И. Шаляпинъ.

Узнавъ о томъ, что Шаляпинъ находится во дворцѣ, я пошелъ къ нему, не дождавшись концерта. Выше меня на три головы, онъ стоялъ передо мной огромный и статный. Его дѣтскіе сѣрые глаза искрились добродушной усмѣшкой, когда онъ подалъ мнѣ руку.

Онъ прошелъ со мной въ комнату, гдѣ находились хористы, и долго бесѣдовалъ съ ними.

«Этотъ казакъ поетъ басомъ», говорилъ онъ, указывая на октависта. «Этотъ тоже», и не ошибаясь, онъ перечислилъ всѣхъ басовъ, поющихъ въ хорѣ.

Его мощную фигуру безукоризненно облегалъ фракъ, украшенный ленточкой Почетнаго Легіона. Онъ былъ прекрасно расположенъ, шутилъ и смѣялся.

Мы открыли концертъ. За нами слѣдовало выступленіе Шаляпина. Намъ разрѣшили остаться.

Шаляпинъ пѣлъ. Я никогда не слышалъ его раньше за границей. Еще взволнованный своимъ выступленіемъ, я забылъ все на свѣтѣ, слушая великаго пѣвца. Все пѣло въ немъ, каждое его движеніе, каждый взглядъ.

Выростая въ гигантскую фигуру бурлака, онъ пѣлъ «Ей ухнемъ». И почти шепча, но шепотомъ своимъ наполняя весь огромный залъ, онъ разсказывалъ о парадѣ мертвецовъ. передъ великимъ полководцемъ. «Въ 12 часовъ по ночамъ изъ гроба встаетъ императоръ . . .»

Передъ англійскими аристократами пѣлъ русскій геній, неисчерпаемый и ни съ кѣмъ не сравнимый. Онъ ворожилъ звуками своего мягкаго баса, онъ увлекалъ своей мимикой, своими движеніями. Онъ игралъ, далеко превзойдя правду, которую тщетно искали многіе.

Онъ изысканно кланялся. А послѣ концерта онъ говорилъ мнѣ:

«Хорошо бы выпить теперь въ маленькомъ трактирчикѣ. Надоѣли хоромы и отели. Истосковалась душа по русской застольной пѣснѣ».

* *
*

(Архіепископъ Іоаннъ и Донской казачій хоръ послѣ Богослуженія въ русскомъ соборѣ въ Ригѣ)

ВБЛИЗИ ОТЪ РОДИНЫ.

Чехія, Швейцарія. На Рождествѣ традиціонные концерты въ Дрезденѣ, затѣмъ сѣверъ Германіи и, наконецъ, долгожданная поѣздка въ Латвію.

Почему мы такъ радовались этой поѣздкѣ? У насъ было на душѣ такъ, какъ будто мы ѣхали на родину. Бывшая частица Россіи, которую многіе изъ насъ знали, стояла передъ нами, какъ нѣчто завѣтное и дорогое.

Вотъ Литва. Вержболово. Вдали купола православной церкви, русскія постройки . . .

Мѣрно стучатъ колеса поѣзда. Знакомый край. Русскіе вагоны, маленькія станціонныя зданія съ неизбѣжной русской водокачкой. У оконъ взволнованные хористы, оттѣсняя другъ друга, чтобы лучше видѣть.

И въ зимней природѣ какъ будто та же грусть нашихъ снѣжныхъ просторовъ. Тотъ же духъ, только намъ ощутительный и понятный. Отворились двери и въ вагонъ вошла уборщица, по русски попросивъ разрѣшенія вымести въ вагонѣ.

Первыя русскія слова, услышанныя изъ устъ простой русской женщины, потрясли насъ. Мы обступили ее. Разспрашивали.

«Помилуйте», говорила наша землячка, «тутъ почти каждый человѣкъ знаетъ по русски . . .»

Пришелъ кондукторъ и по-русски спросилъ у насъ билеты, начальникъ станціи по русски привѣтствовалъ насъ, и намъ казалось, что изъ этой страны, носившей имя Литва, вновь возстала далекая, недоступная для насъ Россія.

А колеса все стучали. Мы неслись къ цѣли, проѣзжая родныя мѣста, сквозь говоръ чужой слыша родную русскую рѣчь.

Ковно. Здѣсь многіе изъ насъ стояли во время войны. На станціи прицѣпили вагонъ. Въ немъ ѣхалъ латвійскій министръ

иностранныхъ дѣлъ, также направляясь въ Ригу. Стояли недолго. Ѣхали дальше, нетерпѣливо ожидая высадки.

6 часовъ вечера. Поѣздъ медленно подходитъ къ Либавскому вокзалу. Толпы народа стоятъ на перронѣ. Кого ожидаютъ — насъ или латвійскаго министра? Но лица не «латвійскія», лица русскія. Ожидаютъ насъ.

«Гдѣ казаки? Гдѣ казаки?» слышится отовсюду. И рванувшись впередъ, людской потокъ опрокидываетъ фотографовъ и городскихъ представителей, готовящихся ко встрѣчѣ латвійскаго министра.

«Гдѣ казаки? Почему не въ формѣ?» Я открываю вагонъ. Меня узнаютъ. Я вижу протянутыя руки съ букетомъ альпійскихъ фіалокъ. Я вижу трехцвѣтную русскую ленту и слышу «ура», какъ ураганъ прокатившееся по вокзалу.

Я хочу скрыться въ вагонѣ, но меня силой вытаскиваютъ на перронъ, у меня вырываютъ чемоданы и поднимаютъ на плечи.

«Выше! Выше! Не видимъ!» кричатъ кругомъ, и меня несутъ къ выходу. Я плачу отъ волненія, прошу спустить меня на землю. Но никто не слышитъ. Всѣ стремятся кудато и кричатъ. Меня не спускаютъ и тогда, когда мы уже стоимъ у выхода вокзала и несутъ на плечахъ по улицамъ черезъ густые ряды ожидающихъ такси.

«Неси его дальше!» И меня несутъ до самой двери моей гостинницы.

Въ это время вся улица запружена народомъ. Фотографы и журналисты пробиваются въ гостинницу, не давая мнѣ придти въ себя. Я пожимаю десятокъ рукъ, стараясь отвѣчать на вопросы.

Администрація гостинницы прекрасно владѣетъ русскимъ языкомъ. И буфеты съ холодными закусками и водкой заставляютъ забыть, что мы не въ Россіи.

На слѣдующій день осматривали городъ и дѣлали визиты. Посѣтили подвалъ подъ православнымъ соборомъ, гдѣ жилъ архіепископъ Іоаннъ. Огромнаго роста стоялъ передъ нами этотъ популярный защитникъ русскихъ правъ. Его появленіе произвело на насъ большое впечатлѣніе. О необычайной силѣ архіепископа разсказывали разныя интересныя исторіи. Говорили, что онъ одинъ вытащилъ завязшій въ грязи автомобиль, который два вола не были въ состояній сдвинуть съ мѣста, что въ какой-то станицѣ онъ самъ поднялъ колоколъ на колокольню, совершивъ работу, которая была не подъ силу тремъ здоровымъ казакамъ.

Бывшій викарій Донской области принялъ насъ подъ свое благословеніе. А въ то время, какъ мы разговаривали съ нимъ, шла форменная аттака на нашъ отель. Несмотря на охрану полицейскихъ, поклонники хора врывались въ вестибюль, ища казаковъ и требуя отъ нихъ фотографій и подписей.

Зима стояла холодная, русская. Но очередь передъ театральной кассой образовывалась уже съ трехъ часовъ ночи. Вмѣсто предполагавшихся трехъ концертовъ пришлось объявить шесть.

Въ отелѣ не было покоя. Телефонъ звонилъ безпрерывно. Люди заполняли фойэ и корридоры, не давая пройти. Делегаціи изъ Двинска, Митавы, Либавы и Рѣжицы звали къ себѣ и предлагали концерты. Насъ буквально рвали на части.

Не было отдыха, не было возможности собрать хоръ, чтобы поговорить съ хористами. Ихъ съ утра расхватывали по домамъ, закармливая и осыпая разными подарками.

Полиція взволновалась. Начались уличныя манифестаціи въ честь хора. Послѣ концертовъ хоръ выпускали черезъ секретныя выходы, чтобы предовратить скопленіе народа.

Но ничего не помогало. Секретные выходы были очень скоро открыты и русская учащаяся молодежь врывалась въ нихъ, поднимала казаковъ на плечи и развозила ихъ по своимъ корпораціямъ.

Залы были переполнены до отказа. А на улицѣ передъ театромъ толпились тѣ, которымъ не удалось добиться билета. Они все еще надѣялись какъ-нибудь пробраться

(Копенгагенъ. Великія княгини Ольга и Ксенія Александровны съ группой казаковъ Донского Казачьяго хора)

на концертъ, и были среди нихъ много, которымъ это тяжелой цѣной удавалось.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней хоръ пѣлъ литургію въ каѳедральномъ соборѣ. Огромный соборъ не могъ вмѣстить и трети всѣхъ собравшихся на богослуженіе. Послѣ службы архіепископъ Іоаннъ благословилъ хоръ иконою.

«Пойте же всему міру.» Закончилъ онъ свое обращеніе къ намъ. На службѣ участвовалъ, пріѣхавшій изъ Эстоніи настоятель Печерскаго монастыря, епископъ Іоаннъ. Отъ имени монастырской братіи онъ привѣтствовалъ хоръ.

Возвратились въ отель, но отдохнуть передъ вечернимъ концертомъ не съумѣли. Зданіе какъ улей кишѣло людьми, вызывавшими и требовавшими насъ.

При отъѣздѣ хора изъ Риги полиція опасалась новыхъ скопленій народа. Чтобы отвлечь вниманіе русскаго населенія не было объявленія съ какого вокзала уѣзжаютъ казаки.

Но передъ отелемъ уже стояла огромная толпа игнорируя запреты полиціи. Загремѣло «ура», подхваченное со всѣхъ сторонъ. Гдѣ-то прозвучало мое имя, имя хора.

Мы съ трудомъ пробрались черезъ дорогу, направляясь къ вокзалу. За нами устремилась толпа. Полиція была безсильна противъ напора.

Поѣздъ тронулся. Проѣзжая маленькую товарную станцію, недалеко отъ Риги, мы увидѣли безчисленное количество людей, махавшихъ намъ на прощаніе и провожавшихъ насъ громкими криками . . . Станція давно пропала изъ виду, а въ ушахъ у насъ все еще звучалъ этотъ крикъ, восторженный и громкій . . .

Опять застучали колеса. Опять полетѣли поля, занесенные снѣгомъ, опять замелькали знакомыя станціи съ маленькими башенками — водокачками. Рѣзкій вѣтеръ рѣзалъ лицо. Окна закрыли. Было холодно, но гдѣ-то внутри меня теплился огонекъ, согрѣвающій и радостный.

У ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ

Копенгагенъ. Здѣсь въ скромномъ дворцѣ живетъ мать покойнаго Государя Императора Николая II, Императрица Марія Ѳеодоровна, окруженная своими двумя дочерьми — Великой Княгиней Ольгой и Ксеніей Александровнами.

Каждый разъ, когда мы поемъ въ Копенгагенѣ, мы посѣщаемъ этотъ дворецъ, гдѣ насъ встрѣчаютъ тепло и гостепріимно. Въ 1927 году мы были въ немъ впервые.

Насъ пригласили во дворецъ. Два бородатыхъ казака — тѣлохранителя въ формѣ, послѣдовавшихъ за своей повелительницей на ея первую родину, встрѣтили насъ на порогѣ. Тронутая императрица благодарно выслушала концертъ и пригласила насъ и въ слѣдующій разъ во время нашего пребыванія въ Копенгагенѣ.

Въ апрѣлѣ того же года мы пѣли въ Стокгольмѣ.

Въ Осло въ ложѣ появился король, заинтересованный казаками. Во время концерта намъ преподнесли огромный вѣнокъ. Изъ залы внезапно торжественно зазвучали фанфары, заигравшія тушь.

КОНЦЕРТЪ ВО ДВОРЦѢ КОРОЛЕВЫ РУМЫНСКОЙ

Румынія, Букарестъ. Послѣ первыхъ концертовъ мы получили приглашеніе во дворецъ румынской королевы Маріи. Придворные автомобили привезли насъ на мѣсто.

Среди званныхъ гостей, ожидавшихъ наше выступленіе, была греческая королевская чета и королева сербская съ наслѣдникомъ. Когда присутствующіе заняли мѣста, мы начали концертъ.

Сербскій наслѣдникъ, увлекаясь моими движеніями во время концерта, подражалъ мнѣ за моей спиной. Маленькій румынскій король Михаилъ не отставалъ отъ него. Во время всей первой концертной части я слышалъ въ залѣ ихъ дѣтскіе голоса.

Духовныя пѣсни имъ были не по душѣ. Зато, когда шла вторая, свѣтская часть, дѣти настрожились. Лихой свистъ заключительныхъ пѣсенъ привелъ ихъ въ восторгъ. По желанію королевы и наслѣдниковъ мы закончили программу танцами.

Послѣ концерта члены хора были приглашены къ чаю, на которомъ коронованныя особы угощали казаковъ. Отмѣтивъ культурныя заслуги хора, королева Марія передала мнѣ звѣзду Румыніи, наградивъ каждаго изъ хористовъ медалью.

МОЯ ВСТРѢЧА СЪ ЖАРОВЫМЪ

после 1000-наго концерта хора

«Я хочу говорить съ регентомъ хора». Портье будапештскаго отеля оглядываясь смотритъ на доску съ ключами. Онъ находитъ какую-то записку въ отдѣленіи регента и отвѣчаетъ.

«Господинъ Жаровъ въ концертной дирекціи, вернется черезъ часъ».

«Гдѣ живутъ хористы?»

«Въ первомъ и второмъ этажѣ». Онъ называетъ номера. Я поднимаюсь по лѣстницѣ.

Почти въ каждой комнатѣ идетъ работа, сосредоточенная и серьезная, хоровыя должностныя лица не теряютъ времени. И только тамъ, въ тѣхъ немногихъ комнатахъ, гдѣ ихъ нѣтъ, спущены шторы и царитъ глубокая тишина. Нѣсколько часовъ, остающихся до концерта, члены хора проводятъ въ постели.

Среди хористовъ много должностныхъ лицъ. Они составляютъ административный аппаратъ разъѣзжающаго хора. Этотъ аппаратъ необходимъ въ виду большого количества концертовъ и безконечныхъ переѣздовъ. Интересно привести нѣсколько цифровыхъ данныхъ изъ жизни Донского Казачьяго хора.

Хоръ поетъ отъ 26 до 27-ми концертовъ въ мѣсяцъ.

Большую часть своей жизни хоръ проживаетъ въ вагонѣ желѣзной дороги. Турнэ трудно распредѣлить строго географически, такъ какъ залы не всегда бываютъ свободны. Приходится иногда дѣлать большіе переѣзды. Если взять, что хоръ только пять часовъ въ сутки находится въ пути, то на мѣсяцъ приходится приблизительно пять дней, проведенныхъ въ вагонѣ, что равняется полтора мѣсяца въ годъ, принимая во вниманіе, что три мѣсяца въ году полагаются хору на отдыхъ. За семь лѣтъ своей дѣятельности хоръ такимъ образомъ почти цѣлый годъ провелъ въ вагонѣ желѣзной дороги.

Дневная работа хора тяжелая и изнурительная. Во время большой паузы на концертахъ администраторомъ объявляется, въ какомъ часу на-утро отбываетъ поѣздъ. Въ 7 часовъ утра хористовъ будятъ. Подается завтракъ, пакуются чемоданы. За 10 минутъ до отхода хоръ на вокзалѣ.

Въ 3 часа дня, иногда съ нѣсколькими пересадками, хоръ достигаетъ мѣста, къ четыремъ часамъ размѣщается по квартирамъ. Въ большинствѣ случаевъ, весь составъ помѣщается въ одномъ отелѣ.

Являясь къ обѣду массою, хористы обыкновенно подолгу ждутъ своей очереди, — проходитъ еще часъ или полтора. Обѣдъ оконченъ.

Чтобы переодѣтыми и побритыми явиться на концертъ, члены хора въ $6^1/_2$ часовъ начинаютъ приготовленія. Такимъ образомъ, на отдыхъ остается всего лишь какой-нибудь часъ — другой.

За четверть часа передъ началомъ хоръ находится в залѣ. Концертъ. Въ $10^1/_2$ конецъ. Хористы возвращаются въ отель. Время идетъ. Въ 12 часовъ встаютъ из-за стола, ложатся спать. А утромъ въ 7—8 часовъ отходъ поѣзда. Подъемъ въ $5^1/_2$. День начинается снова.

Я сижу въ фойэ перваго этажа и ожидаю Жарова. Терпѣливо читаю газету. Вдругъ слышенъ стукъ. Въ началѣ я слышу его совсѣмъ неясно, гдѣ-то въ концѣ корридора. Потомъ все громче, все требовательнѣе онъ приближается ко мнѣ, постепенно пропадая въ другомъ отдаленномъ концѣ корридора, какъ-то странно напоминая нарастающій и постепенно удаляющійся звукъ хорового «Ей ухнемъ» . . . Я улыбаюсь этому сравненію.

«Тукъ . . . тукъ, тукъ». Это — будятъ хоръ. Одна за другой отворяются двери комнатъ и заспанныя лица выглядываютъ изъ щелокъ. Кто-то откашлявшись громко запѣлъ, опять откашлялся и, перейдя на тонъ выше, довелъ звукъ до фортиссимо. Гдѣ-то низко и зловѣще зарокотала октава.

Хлопаютъ двери. Суется люди. Щетка мѣрно и гулко скользитъ по голенищамъ сапогъ, и опять голоса отъ фальцета до октавы, сливаясь въ какую-то какафонію... По лѣстницѣ съ портфелемъ подъ рукой въ сопровожденіи какого-то господина идетъ Жаровъ. Я спѣшу ему навстрѣчу.

«Сергѣй Алексѣевичъ, примите мое запоздавшее поздравленіе по поводу тысячнаго концерта въ Вѣнѣ.» Жаровъ скромно улыбается.

«Да, въ Вѣнѣ спѣли тысячный концертъ.»

Я прошу его посидѣть со мной въ ресторанѣ. Жаровъ усталый, неохотно соглашается, Онъ слѣдуетъ за мной. Мы разговарились.

«Мы выбрали Вѣну для нашего тысячнаго концерта, потому что четыре года тому назадъ мы имѣли въ Вѣнѣ свой первый значительный успѣхъ. Вѣна насъ открыла. Вы знаете, я волновался такъ-же, какъ на первомъ вѣнскомъ концертѣ. Воспоминанія нахлынули на меня, когда я стоялъ передъ хоромъ. На этой сценѣ я пѣлъ мальчикомъ, на этой сценѣ я началъ карьеру регента, и на этой же сценѣ я долженъ былъ провести тысячный концертъ своего хора.

«Вы будете пѣть не одинъ разъ, а еще тысячу разъ», говорилъ мнѣ послѣ моего перваго выступленія вѣнскій концертный директоръ. Его пророчество сбылось. Въ

Вѣнѣ, въ той же Вѣнѣ гдѣ мы спѣли первый концертъ, мы пѣли теперь въ тысячный разъ. Для другихъ это, можетъ быть, только «цифра», а для меня въ этомъ сокрыто больше. Этотъ тысячный концертъ для меня является началомъ новой эпохи. Я неустанно работаю надъ собой и хоромъ. Я подниму хоръ еще выше. Еще далеко недостигнуто то, чего я добиваюсь.

На банкетѣ послѣ концерта собрались всѣ друзья хора. Со всѣхъ концовъ Европы съѣхались наши поклонники, отвсюду летѣли поздравительныя телеграммы и письма. Насъ помнили, насъ любили. Мы больше не тотъ блуждающій бездомный хоръ какъ раньше.

Вѣнки съ трехцвѣтными лентами, букеты цвѣтовъ и подарки покрывали ту же эстраду, на которой мы четыре года тому назадъ стояли жалкими и незнакомыми. За банкетомъ, среди званныхъ гостей, среди представителей прессы и артистическаго міра прошелъ вечеръ, прошла ночь.

На праздненствѣ присутствовалъ Донской атаманъ, сидѣвшій на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Рядомъ съ нимъ посадили меня.

Я не умѣю говорить. Я затрудняюсь отвѣчать на привѣтственныя рѣчи, я просто вставалъ и кланялся. Говорили другіе. Торжественный банкетъ прошелъ. На слѣдующій день я перечитывалъ присланные хору поздравленія. Ихъ было очень много. Среди писемъ и телеграммъ, полученныхъ ко дню тысячнаго выступленія хора, я помню телеграмму Ф. И. Шаляпина особенно ярко выражающую его расположеніе къ хору.

«Шлю вамъ къ вашему тысячному концерту, какъ доказательство моего восхищенія вашимъ большимъ искусствомъ, мои сердечныя пожеланія».

ХОРЪ У СЕРБСКАГО КОРОЛЯ АЛЕКСАНДРА

Холодная зима 1929 года. Даже въ вагонѣ поѣзда чувствовался пронизывающій, жестокій холодъ.

Загребъ. Размѣстились въ отелѣ. Я пересматривалъ репертуаръ, готовясь къ вечернему выступленію, какъ въ вдругъ въ моемъ номерѣ рѣзко зазвонилъ телефонъ.

«Съ Вами будетъ говорить Бѣлградъ. У телефона придворный церемонимейстеръ сербскаго короля Александра . . .» Я назвалъ свое имя.

«Его Величество, Король Сербскій, выразилъ желаніе принять у себя хоръ. Будьте добры пожаловать ко мнѣ 21-го января утромъ, чтобы со мной выработать порядокъ выступленія хора. Кромѣ того, мнѣ нужны нѣкоторыя свѣдѣнія о Васъ и хорѣ.»

Я радовался возможности представиться королю, покровителю русской эмиграціи. Королю, пріютившему въ своей странѣ столько бездомныхъ и обездоленныхъ русскихъ согражданъ.

Сербскій король, самъ воспитанный въ Петербургскомъ Пажескомъ Корпусѣ, не пересталъ любить Россію.

У маршала двора я былъ принятъ съ исключительной любезностью. Бесѣда длилась болѣе часа.

«Завтра, ровно въ пять часовъ Его Величество король будетъ въ пріемномъ дворцовомъ залѣ. Приходите немного раньше.

Будетъ много приглашенныхъ. Правительство. Дипломатическій корпусъ, русская колонія . . .

Послѣ выступленія Его Величество проситъ Васъ и хоръ пожаловать къ столу»...

21-го вечеромъ мы стояли на эстрадѣ королевскаго пріемнаго зала.

Дворцовый залъ былъ переполненъ. Блестящія мундиры генераловъ, черныя рясы духовенства, фраки и парадные сюртуки дипломатическаго корпуса, въ одномъ съ первыхъ рядовъ малиновая сутана папскаго нунція и дамы въ дорогихъ и парадныхъ туалетахъ. Ждали короля.

Я видѣлъ какъ открылись двери и король съ королевой появились на порогѣ.

Всѣ присутствующіе поднялись.

Глубокій поклонъ мужчинъ и почтительный реверансъ дамъ. Я ждалъ, когда король займетъ свое мѣсто. Онъ сѣлъ въ первомъ ряду, совсѣмъ близко отъ эстрады, на которой мы стояли. Я началъ концертъ.

Звуками церковнаго напѣва мы благодарили короля за его любовь къ нашей родинѣ, за ласку и пріютъ оказанные столькимъ изгнанникамъ . . . Мы пѣли ему.

Первое отдѣленіе было пропѣто . . . «Король проситъ регента подойти къ нему». — Я не успѣлъ вытереть лобъ, на которомъ выступили капли пота. Сойдя съ эстрады, я подошелъ къ королю.

Живое, выразительное лицо короля прояснилось. «Я много слышалъ о донскомъ казачьемъ хорѣ,» началъ онъ на безукоризненномъ русскомъ языкѣ — «вытрите лицо. Вы очень устали. Ваша работа очень трудная . . . Пѣніе хора произвело на меня и на королеву исключительно сильное впечатлѣніе. Королева уже разъ слышала Васъ во дворцѣ своей матери въ Букарестѣ».

Онъ говорилъ со мной просто и въ каждомъ его словѣ сквозило обаяніе человѣка доступнаго и сердечнаго.

Я разсказалъ ему о первыхъ шагахъ хора, о его борьбѣ и король слушалъ внимательно, не перебивая.

«Ну, теперь дайте намъ еще разъ послушать Васъ, а потомъ попрошу Васъ и хоръ подкрѣпиться у меня.

Концертъ былъ конченъ. За столомъ съ русскими закусками мы дѣлились впечатлѣніями. Придворный оркестръ игралъ произведенія русскихъ композиторовъ. А въ сосѣднемъ залѣ король принималъ гостей.

Вошелъ маршалъ двора и отъ имени короля наградилъ членовъ хора сербскими знаками отличія. Черезъ мгновеніе на черныхъ казачьихъ гимнастеркахъ красовались золотые ордена.

«Ваше Превосходительство», обратился я тогда къ маршалу. «Хоръ хочетъ поблагодарить его Величество».

Маршалъ перешелъ въ залъ короля. Мы ждали не долго, черезъ нѣсколько минутъ къ намъ вошли король съ королевой. «Ваше Королевское Величество. Донской Казачій хоръ приноситъ Вамъ свою глубокую, сердечную благодарность. И проситъ разрѣшить ему, спѣть Вамъ и Ея Королевскому Величеству, «Многая лѣта».

«Благоденственное и мирное житіе» . . . началъ самый старшій изъ хористовъ — протодіакановскимъ басомъ . . . «Многая лѣта» — и воодушевляясь хоръ подхватилъ это «многая лѣта». Король поблагодарилъ. Онъ наградилъ меня орденомъ Св. Саввы четвертой степени и пожелалъ мнѣ успѣха. Мы покинули дворецъ короля руссофилла почувствовавъ, что мы не одиноки. Во всемъ мірѣ были уголки, гдѣ помнили Россію, гдѣ любили русскую пѣснь и русское прошлое.

ОЖИДАНІЕ . . .

Лѣто 1930 года. Прошло 7 лѣтъ со времени перваго вѣнскаго успѣха. Болѣе 1500 концертовъ было съ тѣхъ поръ пропѣто. Мы отдыхали въ маленькомъ чешскомъ курортѣ. Послѣ отдыха насъ ожидало наше первое американское турнэ. Прошелъ іюль, единственный мѣсяцъ, когда члены хора свободны и не обязаны проводить время вмѣстѣ. Хоръ былъ въ полномъ сборѣ. Работа шла упорная и серіозная.

Въ залѣ примитивнаго отеля на окраинѣ городка шли спѣвки. Черезъ разкрытыя окна далеко разносилось пѣніе, привлекая множество любопытныхъ. Чешскіе крестьяне проѣзжая по шоссе, останавливали свои возы, маленькія дѣтишки толпились у входа, а въ сосѣднемъ залѣ, носившемъ названіе — кафэ, уже часъ передъ спѣвкой всѣ столики были заняты.

Проходя по улицамъ города или гуляя по пляжу озера, я слышалъ какъ незнакомые люди насвистывали и пѣли пѣсни нашего репертуара, схваченныя и заученныя на ежедневныхъ спѣвкахъ.

Я выбралъ этотъ тихій уголокъ, чтобы дать возможность отдохнуть хору. Здѣсь не было соблазновъ городской жизни. Послѣ 11 часовъ въ городкѣ было тихо и сонно. Тушились огни и улицы вымирали. Рестораны и кафэ спускали на окна и двери желѣзныя рѣшетки и городъ погружался

(Сергѣй Жаровъ на пути въ Америку)

въ сонъ. Когда все стихало я подолгу сидѣлъ на балконѣ своей комнаты мысленно возвращаясь къ предстоящей поѣздкѣ въ сказочную, далекую Америку. Въ одинъ изъ вечеровъ я былъ особенно пессимистически настроенъ.

Пойметъ ли Америка мягкій мотивъ русской пѣсни? Согласится ли съ ея темпомъ, такимъ устарѣвшимъ для американскихъ понятій? И какъ бы отвѣчая на мой вопросъ, гдѣ-то изъ освѣщеннаго окна отдаленной виллы, нарушая вечернюю тишину зазвучалъ граммофонъ... Фоксъ-троттъ веселый и легкій, какъ-то мгновенно давшій иное направленіе моимъ мыслямъ... За этой музыкой несложной и примитивной, зародившейся въ той-же Америкѣ, лежало міровозрѣніе такое же легкое и такое же проходящее какъ и этотъ фоксъ-троттъ самъ.

Быть можетъ завтра уже не будетъ этихъ фоксъ-троттовъ, будутъ новыя мелодіи, новые темпы и танцы. А наша русская пѣснь, пережившая столько лѣтъ и эпохъ, такъ глубоко проникшая во всѣ страны Европы, она не пройдетъ такъ незамѣтно!

Но я сомнѣвался.

Сомнѣвались даже люди, знавшіе Америку. Мнѣ говорили о попыткахъ другихъ русскихъ хоровъ, окончившихъ неудачей. Говорили о необходимости небывалой сенсаціи, чтобы добиться успѣха. Совѣтовали на коняхъ въ полномъ вооруженіи, съ длинными пиками предстать передъ американской публикой.

«Умѣніе тамъ не играетъ ровно никакой роли. Какой-нибудь рекламный трюкъ, бутафорія, сенсація, вотъ что нужно для Америки.»

Я такъ мало зналъ эту страну, что провѣрить этихъ сужденій не могъ. Единственный человѣкъ изъ насъ, который въ это время не волновался, — былъ нашъ американскій мэнэджеръ. Онъ какъ американецъ зналъ Америку лучше другихъ, онъ писалъ спокойныя дѣловыя письма и вѣрилъ въ успѣхъ хора и безъ осѣдланныхъ коней...

Шли безпрерывные дожди, тяжело дѣйствовавшіе на настроеніе. Цѣлыми днями хористы сидѣли дома. Время тянулось безконечно медленно и монотонно.

На фонѣ сѣрой жизни яркимъ пятномъ выдѣляется нашъ лѣтній концертъ, который мы дали по просьбѣ курортной администраціи и представителей города. Отказать имъ мы не могли.

(Донской Казачій Хоръ на лѣтнемъ отдыхѣ въ Бодендорфѣ. (Австрія) въ 1931 году)

На программу я поставилъ пѣсни американскаго репертуара, считая наше выступленіе пробнымъ концертомъ для предстоящаго турнэ.

Концертъ прошелъ на шаткой импровизированной сценѣ, пахнувшей смолой и свѣжей краской. Мѣста на сценѣ было такъ мало, что мы еле размѣстились. Дирижируя я стоялъ на ящикѣ изъ подъ яицъ и въ духѣ переживалъ то старое доброе время, когда 7 лѣтъ тому назадъ мы за нѣсколько марокъ пѣли въ болгарскомъ порту «Бургасъ».

Маленькій залъ, увѣшанный гирляндами изъ свѣжей зелени, былъ такъ переполненъ, что казалось, тонкія досчатыя стѣны должны были каждую минуту поддаться напору собравшейся толпы.

Паузу между первымъ и вторымъ отдѣленіемъ мы провели гдѣ-то на задворкахъ между курами и гусями, а потомъ опять пѣли сотрясая стѣны «концертнаго зала» никогда не видавшаго такого скопленія народа . . .

Послѣ концерта ко мнѣ подошелъ старый господинъ, быть можетъ, всю свою жизнь не видавшій другого города кромѣ своего заброшеннаго курорта.

Онъ былъ сильно взволнованъ.

«У насъ есть тоже свой городской хоръ, но онъ, я долженъ сознаться, гораздо слабѣе Вашего. Вы можете смѣло попытаться выступить гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, въ какомъ-нибудь другомъ городѣ, побольше нашего.»

— «Какъ Вы думаете», спросилъ его я. «Можемъ ли мы попытать счастья, скажемъ, въ Нью-Іоркѣ?»

Спрошенный задумался. «Такъ далеко я бы Вамъ не совѣтовалъ, а вотъ въ Габлонцѣ, тамъ нѣсколько тысячъ населенія, это недалеко отсюда, тамъ бы я Вамъ рекомендовалъ добиться концерта.

Отдыхъ прошелъ. Послѣ короткаго турнэ по Чехіи, мы пріѣхали въ Германію. Тамъ дали нѣсколько прощальныхъ концертовъ, а черезъ нѣсколько недѣль, погрузившись на огромный трансатлантическій пароходъ «Колумбусъ», изъ Соутгэмптона взяли рейсъ на долгожданную, незнакомую Америку.

* *
*

(Хоръ на спѣвкѣ во время лѣтняго отдыха въ Австріи, въ 1931 году)

ВЪ СТРАНѢ БОГАТСТВА И НЕБОСКРЕБОВЪ.

Винты гигантскаго трансатлантическаго парохода замедлили ходъ. Изъ сѣрой мглы вечера показались неровные силуэты Нью-Іорка.

Мы стояли на палубѣ и смотрѣли какъ сгущались краски выростающаго передъ нами города, какъ на фонѣ огромныхъ зданій зажигались безчисленные огни освѣщая темное, какъ агатъ небо.

Огни росли расплываясь въ сизомъ туманѣ. Берегъ медленно плылъ намъ навстрѣчу. И, горя тысячью огнями, выросъ передъ нами чудовищный, подавляющій Монгатанъ.

Мы молчаливо переживали торжественный моментъ. Вѣдь это была Америка, послѣдній пунктъ нашихъ достиженій!

Проходили часы. Пароходъ стоялъ лишь въ нѣсколькихъ километрахъ отъ пристани, освѣщенной какъ днемъ яркимъ свѣтомъ.

Наконецъ, мы подошли къ берегу. Насъ встрѣтили представители русской колоніи, и нашъ американскій импрессаріо. Насъ привѣтствовали рѣчами, фотографировали и бѣгло интервьюровали.

Въ центрѣ дѣлового Нью-Іорка огромный двадцатиэтажный отель пріютилъ хоръ и мы пропали въ немъ какъ ничтожныя маленькія пѣшки покорно подчиняясь указаніямъ нашего импрессаріо.

Въ этомъ лабиринтѣ этажей, корридоровъ и комнатъ я почувствовалъ себя до ужаса маленькимъ и безпомощнымъ. Я былъ радъ, когда за мною закрылась дверь номера и я остался одинъ. Повинуясь инстинкту, я отворилъ окно и выглянулъ на улицу. Узкой полоской безпрерывныхъ огней проходила подо мной улица. Гдѣ-то безконечно далеко бился пульсъ городской жизни.

На слѣдующій день я считалъ этажи домовъ, постоянно путаясь въ числахъ и начиная сначала. Все дѣйствовало непривыч-

но и странно: густой потокъ людей и автомобилей, громкая рѣчь и бѣшенный темпъ американской жизни.

Никогда я не чувствовалъ себя такимъ чужимъ какъ здѣсь, среди этихъ людей, дѣловито и безучастно пробѣгавшихъ мимо меня, среди этихъ великановъ домовъ, среди этой техники изощренной и бездушной.

Я не представлялъ себѣ, что кого-нибудь изъ этихъ, увлеченныхъ общимъ движенiемъ людей, можетъ заинтересовать выступленiе хора. Я не представлялъ себѣ, что кому-нибудь изъ нихъ вообще оставалось время на внутреннiя переживанiя . . .

6-ой ноябрь. Льетъ какъ изъ ведра. Огни улицы разплываются въ дождѣ. Мы стоимъ въ вестибюлѣ отеля и ожидаемъ время отъѣзда. Черезъ часъ концертъ въ Корнеги Холлъ. Эффектными черными пятнами глядятъ въ зеркала формы хористовъ. Кругомъ любопытство, удивленiе и вопросы. Лавируемъ между публикой проходя къ выходу . . .

Каменная мостовая вокругъ театра блеститъ какъ пролитыя чернила. Еще далеко до начала, но уже толпа съ зонтами облегаетъ входы къ театру. Автомобили безпрерывной лентой, подобно чудовищной гусеницѣ, подползаютъ къ ярко освѣщенному зданiю. Хлопаютъ дверцы, голосятъ гудки.

Проталкиваемся черезъ толпу. Входимъ. Среди американскаго говора обрывками слышимъ русскую рѣчь.

Много лѣтъ тому назадъ Петръ Ильичъ Чайковскiй присутствовалъ на открытiи этого зала искусства. Я узнаю это на ходу отъ своего провожатаго. Я не слышу, я скорѣе понимаю его слова. Я волнуюсь. Я жду начала концерта какъ избавленiя отъ этого непрiятного волненiя. Ожиданiе, какъ оно было тогда тягостно!

Наконецъ, хоръ на сценѣ. Я выхожу быстрыми шагами. Яркiй свѣтъ прожекторовъ непрiятно рѣжетъ глаза. Передо мной переполненный залъ. Апплодисменты будятъ во мнѣ увѣренность. Я начинаю концертъ. «Вѣрую . . .» Хоръ замолкъ. И въ отвѣтъ на это молчанiе огромный залъ ожилъ гуломъ одобренiя . . . Успѣхъ! Слава Богу, успѣхъ!

Артистическая комната полна народу. Поздравленiя, безконечныя рукопожатiя. Мимо меня проходятъ люди, чужiя, но въ этотъ мигъ странно близкiе. Не вижу отдѣльныхъ лицъ, ихъ слишкомъ много. Каждому отвѣчаю на рукопожатiе.

Вдругъ кто-то крѣпко беретъ меня за плечи. — Высокiй красивый старикъ съ орлинымъ носомъ. Его слова доходятъ до меня отчетливо и рѣзко.

«Какой чортъ въ Васъ сидитъ? Такой маленькiй, щупленькiй, а сколько силы, чортъ возьми! . . Вы не обижайтесь за крѣпкiя слова. Старая привычка.» Я узналъ Александра Зилоти, нашего знаменитаго русскаго пiаниста. Ученикъ Листа, онъ бурно продолжаетъ:

«Вы должны побывать у меня! Я завтра за Вами прiѣду!»

Онъ сдержалъ свое слово. Я былъ у него и пережилъ нѣсколько незабываемыхъ минутъ въ его домѣ . . .

Онъ поздравилъ меня съ успѣхомъ, а потомъ на каждомъ изъ Нью-Iоркскихъ концертовъ былъ моимъ неизмѣннымъ слушателемъ.

За свое шестинедѣльное пребыванiе въ Америкѣ хоръ пропѣлъ при полномъ сборѣ 41 концертъ, посѣтивъ 32 города добравшись до центра С. Штатовъ и поднявшись на сѣверъ до Канады.

14 ночныхъ переѣздовъ утомили меня и хористовъ. Огромныя разстоянiи были намъ непривычны. Пѣли почти каждый вечеръ.

Свободныхъ дней у насъ было всего нѣсколько. Въ одинъ изъ такихъ дней мы всѣмъ хоромъ посѣтили Нью-Iоркскую оперу Метрополитэнъ.

Мною, какъ всегда, когда я бываю зрителемъ въ театрѣ, овладѣло странное чувство. Я почти не знаю театра изъ зрительнаго зала. Мое мѣсто 250 разъ в году на сценѣ. А потому когда, наслѣдникъ Карузо, — Джильи, запѣлъ на сценѣ, являв-

шейся для меня частицей моей жизни, — я почувствовалъ себя рядомъ съ нимъ, волнуясь, какъ-будто бы я самъ стоялъ передъ этой нарядной требовательной толпой.

Опера Метрополитэнъ — конечная ступень всѣхъ артистическихъ достиженій! Конечная цѣль всѣхъ театральныхъ карьеръ! — Я сижу въ Метрополитенѣ и смотрю на сцену, на завѣтную сцену для лучшихъ изъ лучшихъ, для первыхъ артистовъ міра сего.

Карузо, Шаляпинъ, Баттистини, Джильи... Фантастическіе гонорары, небывалые сборы.

Въ каждой ложѣ король, король капитала и въ каждой ложѣ всегда тотъ-же король. Я читаю ихъ имена въ программѣ, они подъ номеромъ ложи . . .

Я ослѣпленъ блескомъ богатства и роскоши. А на сценѣ поетъ Джильи. Но я почти не слушаю его, потому что нервное волненіе овладѣваетъ мною. Я не могу сидѣть въ публикѣ. Мое мѣсто на сценѣ! . .

. . . .

Осталось два дня до отъѣзда въ Европу. Американское турнэ закончено. Завтра прощальный концертъ.

Мы стоимъ за сценой невидимаго зала, и ждемъ звонка. Каждую секунду онъ долженъ прозвучать. Сейчасъ мы выйдемъ на сцену театра, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ мы были зрителями. Сейчасъ начнется концертъ самый знаменательный въ жизни хора . . . Звонокъ. Дверь открывается. Хористы одинъ за другимъ проходятъ на ярко освѣщенную сцену . . . . .

. . . .

Мы пѣли въ Метрополитэнѣ!

Въ Европѣ я снова встрѣтился съ Жаровымъ.

— Вы пѣли въ Метрополитэнѣ! Вы достигли наивысшаго! Какая у Васъ теперь цѣль?»

Въ глазахъ моего собесѣдника грусть.

— «Самая высокая! Можетъ быть недостежимая!»

Я смотрю на Жарова. Я понимаю его безъ словъ. Мы оба молчимъ. Наши мысли далеко и, поборовъ волненіе, я крѣпко жму его руку.

— «Я желаю Вамъ, чтобы Вы достигли этой цѣли! . . Чтобы хоръ Вашъ на нашей родинѣ, передъ нашимъ народомъ, на русской сценѣ, забывъ года изгнанія спѣлъ:

«Вѣрую! . .»

(Пѣсня объ Атаманѣ Платовѣ. Автографъ С. А. Жарова)

Настоящая книга отпечатана въ сентябрѣ 1931 г. въ типографіи «Energiadruck», Берлинъ. Отдѣльно изготовлены 50 нумерованныхъ экземпляровъ, въ продажу не поступающихъ.

2014021181